

Карл Густав ЮНГ

О психологии
западных
и восточных
религий

PHILOSOPHY

Карл Густав Юнг
О психологии западных
и восточных религий
Серия «Философия – Neoclassic»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68668986

О психологии западных и восточных религий : [сборник] Карл Густав Юнг ; [перевод В. Желнинова].: АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-133465-9

Аннотация

Религиозная проблематика как одна из базовых констант мировоззрения человека всегда была важной составляющей исследований Юнга. В настоящем сборнике представлены работы, в которых автор исследует бессознательное в религиозной сфере и символику догматов, психологию дохристианского и христианского символизма и психологическую основу Троицы, символическое наполнение идеи Отца, Сына и Святого Духа, психологические аспекты философии различных течений буддизма и индуизма, в том числе на основе Тибетской книги мертвых, различия в понимании идей свободы и святости на Западе и на Востоке и многие другие особенности восточных и западных религий.

Содержание

Предисловие редактора	5
Постскриптум к переработанному изданию	9
Часть первая	10
I.	10
Предисловие автора	10
1.	11
2.	67
3.	121
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Карл Густав Юнг

О психологии западных и восточных религий

C. G. Jung

ZUR PSYCHOLOGIE WESTLICHER UND ÖSTLICHER
RELIGION

(Collected Works, Volume 11)

© Rascher & Cie. AG, Zurich, 1963

© Foundation of the Works of C.G. Jung, Zurich, 2007

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

Предисловие редактора

Религиозная проблематика находится в центре множества работ К. Г. Юнга. Почти все его произведения, особенно более позднего периода, так или иначе посвящены феномену религиозности. При этом само понимание религии у Юнга не привязано к определенной конфессии; по его собственным словам, это «тщательное и добросовестное наблюдение за тем, что Рудольф Отто называл нуминозисом»¹. Такое определение применимо ко всем формам религиозности, включая примитивные культы, а также вполне отражает уважительное и терпимое отношение Юнга к нехристианским религиям.

Несомненная заслуга Юнга состоит в том, что он признавал общие первичные идеи, лежащие в основе различных форм религии, архетипическим содержанием, если можно так выразиться, человеческой души.

Современный человек все чаще упускает из виду строгость и конкретику традиционных верований, ведь сегодня в религиозных вопросах царит глубокая неопределенность.

¹ Р. Отто – немецкий богослов, основоположник феноменологической теологии. Под «нуминозисом» (или «нуминозным») в этой теологии подразумевалось ощущение божественного присутствия в мире: это иррациональное ощущение, которое остается у человека, если исключить из понятия святости представления о рациональности и морали. – *Примеч. пер.*

Новая перспектива, предложенная Юнгом, позволяет лучше разобраться в традиционных ценностях и наполняет застывшие формы новым смыслом.

В работе «Психология и религия» Юнг отталкивается от череды сновидений современного человека, чтобы объяснить функционирование бессознательного, привлекая также сопоставления с алхимией. В работе о догмате Троицы он находит параллели христианству в божественных культах египетских фараонов, а также обращается к вавилонским и древнегреческим верованиям, при рассмотрении мессы привлекает к сравнению ацтекские обряды и, опять-таки, алхимические тексты.

В «Ответе Иову» Юнг страстно и эмоционально изучает двойственный образ Божества, трансформация которого в человеческой душе требует психологического истолкования. Признавая, что неврозы нередко имеют религиозную обусловленность, он неустанно подчеркивает необходимость сотрудничества между психологией и теологией – как видно по работам «Психотерапевты и священники» и «Психоанализ и исцеление души».

Вторая часть настоящего тома в основном объединяет тексты, комментарии и предисловия к религиозным писаниям Востока. По сути, эти тексты представляют собой сопоставления западных и восточных форм понимания и религиозных практик.

Предисловие к «И-цзин», древнекитайской книге мудро-

сти и предсказаний, пришедшей к нам из незапамятных времен, включено в данный том вполне сознательно. Поскольку оракулы всегда имеют дело с возвышенным, если угодно, нуминозным, а также поскольку, как заповедано традицией, предписания «И-цзин» должны соблюдаться «тщательно и добросовестно», налицо неразрывная связь этих пророчеств с религией. Вдобавок указанный текст крайне важен для понимания подхода Юнга как такового, ибо здесь раскрывается сущность самого оракула и подлинность его предсказаний, то есть затрагивается область значимых совпадений, которые объясняются не причинностью, а знаменитым принципом синхронистичности, который Юнг постулировал и всячески отстаивал.

В интервью английскому телевидению Юнг в ответ на вопрос, верит ли он в Бога, сказал так: «Мне не нужно верить, я знаю». Это короткое предложение вызвало у слушателей и зрителей такой интерес, что Юнг счел себя обязанным прокомментировать основные темы в открытом письме английскому радио и телевидению, опубликованном в газете «Листенер». Примечательно, что энтомолог Жан-Анри Фабр (1823–1915) выражал собственные религиозные убеждения почти теми же словами: «Я не верю в Бога, я вижу Его». Юнг, подобно Фабру, обрел уверенность в существовании Высшей силы через познание природы; у Фабра это была природа влечений, представавшая ему при наблюдениях за миром насекомых, а у Юнга – психическая природа че-

ловека, проявляющая себя в переживаниях под воздействием сил бессознательного.

Редакция благодарит госпожу Аниелу Яффе за содействие во многих вопросах, а также доктора Мари-Луизу фон Франц за сверку греческих и латинских цитат. Кроме того, мы признательны госпоже Элизабет Риклин за подготовку указателя.

Апрель 1963 г.

Постскрипtum

к переработанному изданию

Настоящий том в полном составе был заново проверен, дополнен и – в некоторых случаях – исправлен на основании рукописных вариантов текстов К. Г. Юнга.

Работу над изданием омрачила кончина Лилли Юнг-Меркер 28 ноября 1983 года. Лилли входила в состав редакционной группы с апреля 1965 года. Несмотря на тяжелую болезнь, она принимала участие в подготовительной работе и проявляла неподдельный интерес к редакционной деятельности буквально до своих последних дней. Мы с благодарностью вспоминаем ее живейшее участие и всегда будем помнить, какое удовольствие нам доставляло сотрудничество с нею. Наследники К. Г. Юнга позднее привлекли к работе доктора филологии Леони Зандер, которая активно включилась в процесс подготовки издания с мая 1984 года.

Госпожа Магда Кереньи скрупулезно, до мельчайших подробностей, сверила тексты обоих изданий, за что редакция выражает ей искреннюю благодарность.

Октябрь 1985 г.

Элизабет Рюф, Леони Зандер

Часть первая

Западная религия

I.

Психология и религия

Цикл лекций, прочитанных К. Г. Юнгом по-английски в 1937 г. в Йельском университете (США).

Предисловие автора

При сверке и редактировании немецкого перевода «лекций Терри», любезно мне предоставленного, я воспользовался возможностью внести ряд исправлений – в основном расширяя и дополняя высказанные ранее соображения. Преимущественно эти исправления коснулись второй и третьей лекций.

Оригинальное английское издание уже содержит значительно больше, чем можно изложить в устном выступлении. Тем не менее в нем сохранен, насколько это возможно, лекторский стиль – не в последнюю очередь потому, что американский публичный вкус более приспособлен именно к этому стилю, а не к восприятию и усвоению научных трактатов.

Немецкое издание также несколько отличается в данном отношении от английского оригинала, но никаких изменений принципиального характера в него не вносилось.

Октябрь 1939 г.

1.

Автономность бессознательного

1 Поскольку целью Терри, попечителя настоящих лекций, было позволить представителям науки, равно как философии и других областей человеческого знания, внести свой вклад в обсуждение извечной проблемы религиозности и поскольку Йельский университет оказал мне высокую честь прочитать курс лекций в 1937 году, моя задача, как видится, должна заключаться в том, чтобы показать сходство между психологией – точнее говоря, не психологией вообще, а той специальной отраслью медицинской психологии, которой я занимаюсь – и религией. Религия, вне сомнения, является одним из самых ранних и наиболее универсальных видов деятельности человеческого ума, и вполне очевидно, что всякая психология, изучающая психологическую структуру человеческой личности, попросту не может не принимать во внимание тот факт, что религия не только социологическое или историческое явление – она обладает чрезвычайной личностной ценностью для множества индивиду-

умов.

2 Меня часто представляют философом, однако я был и остаюсь эмпириком, который придерживается феноменологической точки зрения. Полагаю, что если кто-то время от времени предается размышлениям, которые выходят за пределы простого сбора и классификации опытных данных, это никоим образом не вступает в противоречие с принципами научного эмпиризма. Более того, я убежден, что без рефлексии вовсе нет опыта, поскольку «опыт» есть процесс ассимиляции, без которого невозможно понимание происходящего. Отсюда следует, что я подхожу к психологическим задачам с научной, а не с философской точки зрения. В той степени, в какой религии присуще крайне существенное психологическое начало, я рассматриваю ее сугубо эмпирически, то есть ограничиваюсь наблюдением ее проявлений и воздерживаюсь от высказывания метафизических или философских соображений. Я не отрицаю значимость указанных соображений, но не считаю себя достаточно компетентным для того, чтобы применять их грамотно.

3 Большинство людей, я уверен, мнит себя всесторонне осведомленными в психологии, поскольку психология в их понимании есть то, что они сами о себе знают. Увы, боюсь, что психология на самом деле представляет собой нечто большее. Она имеет мало общего с философией, зато широко обращается к эмпирическим фактам, многие из которых труднодоступны для повседневного опыта обычных лю-

дей. Мое намерение состоит в том, чтобы представить, пусть по необходимости кратко, способы, какими практическая психология приступает к изучению религиозных вопросов. Разумеется, всю широту данной проблематики крайне затруднительно исчерпывающе изложить в трех лекциях, ведь доказательства каждого конкретного положения потребуют значительно больше времени и куда более подробных объяснений. Первая лекция будет таким введением в проблемы взаимоотношений практической психологии с религией. Во второй лекции речь пойдет о фактах, подтверждающих существование подлинной религиозной функции бессознательного, а в третьей лекции будет рассмотрен религиозный символизм бессознательных процессов.

4 Раз уж я намерен прибегнуть к довольно специфической, не совсем обычной аргументации, то нужно убедиться в том, что моя аудитория хорошо знакома с методологическими принципами той психологии, которую я представляю. Эти принципы исключительно феноменологические по своей природе, они опираются на конкретные психологические состояния, события и опыт, одним словом – на факты. Истиной для них выступают именно факты, а не суждения. Например, когда речь заходит о мотиве непорочного зачатия, мою отрасль психологии интересует сам факт наличия такой идеи; ее не занимает вопрос истинности или ложности этой идеи в любом ином смысле. Данная идея психологически истинна ровно настолько, насколько она существует. При этом

психологическое существование субъективно лишь до тех пор, пока та или иная идея возникает у единственного индивидуума; когда же идея принимается обществом, она становится объективной в силу *consensus gentium*².

5 Такая точка зрения свойственна вообще всем естественным наукам. Психология трактует идеи и прочие плоды сознания точно так же, как зоология, к примеру, трактует различные виды животных. Слон считается «истинным» просто потому, что он существует. Он не является ни умозаключением, ни субъективным суждением творца. Слон есть явление нашего мира. Но мы настолько свыклись с мыслью о том, будто психические события суть плоды воли или произвола, или даже изобретения творца-человека, что нам трудно освободиться от предубеждения, гласящего, что психика и все ее содержание есть наше собственное волюнтаристское изобретение – или более или менее иллюзорный продукт наших предположений и суждений. Факты же свидетельствуют, что определенные идеи существуют почти повсеместно и во все времена, что они могут воспроизводиться спонтанно, совершенно независимо от миграций или традиций. Они не творятся индивидуумами, а приходят в индивидуальные сознания – порой даже вторгаются насильственно. Это не платоновская философия, а подлинная эмпирическая психология.

6 Прежде чем рассуждать о религии, хочу сразу пояснить,

² «Согласия народов» (лат.), общего согласия. – *Примеч. ред.*

что я вкладываю в это понятие. Религия, как следует из латинского корня этого слова, есть тщательное и добросовестное наблюдение за тем, что Рудольф Отто точно называл нуминозисом³ – то есть за динамическим существованием или действием, которое не вызвано произвольным актом воли. Напротив, такое действие охватывает человека и подчиняет его себе, так что индивидуум всегда скорее жертва, а не творец. Нуминозное, какие бы причины его ни обуславливали, выступает как опыт, независимый от воли субъекта. Везде и всюду религиозные учения и *consensus gentium* объясняют этот опыт как следствие причины, внешней по отношению к индивидууму. Нуминозное – это либо качество видимого объекта, либо влияние незримого нечто, которое вызывает особого рода изменения в сознании. Во всяком случае, таково общее правило.

7 Впрочем, возможны некоторые исключения, когда мы говорим о религиозных практиках или ритуалах. Великое множество ритуальных действий совершается с единственной целью осознанного самостоятельного производства нуминозного посредством каких-то магических приспособлений, будь то мольбы, заклинания, жертвоприношения, медитации и прочие йогические упражнения, причинение себе всякого рода увечий или что-либо еще. Но религиозное верование в наличие внешней и объективной божественной при-

³ См. его работу «Священное. Об иррациональности в идее божественного и его отношении к рациональному». – *Примеч. авт.*

чины всегда предшествует подобным действиям. Католическая церковь, например, причащает святыми дарами ради того, чтобы наделить верующего духовным благословением; поскольку же этот акт равнозначен принудительному вызову благодати посредством неоспоримо магических процедур, логично заключить, что божественную благодать в акте причастия никто не способен вызвать принудительно, что причастие есть некое божественное установление, которое попросту не возникло бы по воле Господа в отсутствие Божьего промысла⁴.

8 Религия представляется мне особой установкой человеческого ума, которую возможно охарактеризовать в соответствии с изначальным употреблением слова «*religio*», означавшего тщательное рассмотрение и наблюдение за некими динамическими факторами, которые понимались как «потусторонние силы», – за духами, демонами, богами, законами, идеями, идеалами, то есть за всем, что человек обнаруживал в своем мире и считал чем-то могущественным, опасным либо достаточно полезным для того, чтобы принимать во внимание, либо величественным, прекрасным или зна-

⁴ *Gratia adiuvens* и *gratia sancificans* (благодать поддерживающая и благодать освящающая) суть результаты *sacramentum ex opere operato* (таинства из свершения свершившегося). Причастие оказывается действенным в силу того обстоятельства, что оно было учреждено самим Христом. Церковь не в состоянии совместить ритуал с благодатью таким образом, чтобы акт таинства вызывал присутствие и воздействие благодати. Следовательно, ритуал, отправляемый священнослужителем, есть не *causa instrumentalis* (действие инструментальное), а только *causa ministerialis* (действие служебное). – Примеч. авт.

чительным, заслуживающим благоговейной любви и почитания. В повседневной речи мы часто говорим, что человек, который живо интересуется чем-либо, преследует свою цель почти с «религиозной одержимостью»; Уильям Джеймс замечает, к примеру, что ученый часто лишен веры, однако «набожен по духу»⁵.

9 Хочу сразу указать, что под понятием «религия»⁶ я не имею в виду вероучение. Однако верно, что всякое вероучение исходно основывается, с одной стороны, на опыте постижения нуминозного, а с другой стороны – на преданности и верности, на доверии к некоему испытанному воздействию нуминозного и к последующим изменениям сознания. Поразительным примером здесь может служить обращение апостола Павла. Значит, можно сказать, что понятие «религия» обозначает особую установку сознания, подвергнувшуюся изменению вследствие опыта постижения нуминозного.

10 Вероучения суть кодифицированные и догматизиро-

⁵ См.: «Прагматизм. Новое наименование для некоторых старых методов мышления»: «But our esteem for facts has not neutralized in us all almost religious. Our scientific temper is devout» («Наше уважение к фактам не погасило в нас окончательно огня религиозности. Само это уважение имеет какой-то религиозный характер». – *Ред.*). – *Примеч. авт.*

⁶ Religio est, quae superioris cuiusdam naturae (quam divinam vocant) curam, caeremoniamque affert («Добродетель же поклонения есть нечто, внушающее почтение и благоговение перед некоей высшей силой, каковую можно назвать божественной») – Цицерон, «О нахождении риторики», II. О «добросовестных показаниях самого свидетеля, давшего клятву» – см. Цицеронову «Речь в защиту Марка Целия Руфа», 55. – *Примеч. авт.*

ванные формы первоначального религиозного опыта⁷. Содержание опыта становится освященным и обычно застывает в жесткой, зачастую хорошо разработанной структуре идей. Практика и воспроизводство первоначального опыта делаются ритуалом и неподвластной изменениям институцией. Однако это вовсе не означает, что нужно видеть в них безжизненное окаменение. Напротив, они могут на века стать формой религиозного опыта для миллионов людей без малейшей нужды в изменениях. Хотя католическую церковь часто обвиняют в чрезмерной строгости правил, она все же признает за догматами живой характер, вследствие которого они подвержены изменению и развитию. Даже количество догматов ничем не ограничено и с течением времени может возрастать. То же самое верно и для ритуалов. Но все изменения и все последующее развитие должны оставаться в рамках первоначально испытанных фактов, из-за чего появляются особое догматическое содержание и эмоциональная значимость. Даже протестантизм, который совершенно явно стремится к почти полному освобождению от догматической традиции и кодифицированного ритуала, а потому разделившийся более чем на четыре сотни деноминаций, – так вот, даже протестантизм вынужден соотносить себя с христианством и выражать себя в рамках верова-

⁷ См.: Scholz, Die Religionsphilosophie des Als-Ob. Шольц настаивает на сходной точке зрения. См. также: Pearcy, A Vindication of Paul. – *Примеч. авт.* Г. Шольц – немецкий философ, автор трудов по логике, метафизике и религии. – *Примеч. ред.*

ния, согласно которому Господь воплотился в Христе, принявшем страдания за род человеческий. Это вполне определенные пределы с четко установленным содержанием, которое нельзя соединить с буддистскими или исламскими идеями и эмоциями или расширить за их счет. Но не подлежит сомнению при этом, что не только Будда или Мухаммад, Конфуций или Заратустра олицетворяют религиозные явления; в равной степени этим качеством обладают также Митра, Аттис, Кибела, Мани, Гермес и божества многих других экзотических культов. Психолог, принимая научный подход, должен отвергать притязания множества вероучений на уникальность и владение вечной истиной. Он должен исследовать человеческую сторону религиозного учения, ибо его занимает первоначальный религиозный опыт, независимо от того, как последний используется в различных вероучениях.

11 Будучи врачом и специалистом по нервным и психическим заболеваниям, я исхожу не из конкретных вероучений, а из психологии *homo religiosus* – человека религиозного, который принимает во внимание и тщательно наблюдает некие воздействующие на него факторы (определяющие тем самым условия его жизни). Не составит труда обозначить и охарактеризовать эти факторы в согласии с исторической традицией или с этнологическим знанием⁸, однако бу-

⁸ Так у автора, но корректнее в данном случае говорить, скорее, об этнографическом или социально-антропологическом знании, поскольку имеются в виду

дет невероятно трудно проделать то же самое с точки зрения психологии. Все, что я могу сказать по поводу религии, целиком и полностью почерпнуто из моего практического опыта, из общения с моими пациентами и с так называемыми нормальными людьми. А поскольку наш опыт взаимодействия с другими в значительной степени зависит от нашего к ним подхода, мне не остается ничего другого, кроме как с самого начала предоставить хотя бы общее представление о моей профессии.

12 Любой невроз связан с внутренней, если угодно, интимной жизнью человека, и потому пациент всегда испытывает немалые колебания, когда ему приходится давать полный отчет о всех тех обстоятельствах и сложностях, которые привели к его болезненному состоянию. Но что же мешает пациенту выговориться свободно? Чего он боится, стесняется, стыдится? Все дело в том, что он «тщательно наблюдает» упомянутые внешние факторы, которые в совокупности составляют, как принято выражаться, общественное мнение, респектабельность и репутацию. Даже доверяя своему врачу и в какой-то миг перестав робеть перед ним, пациент не хочет или опасается признаваться в некоторых фактах самому себе, словно ощущая некую угрозу от самоосознания. Обычно мы боимся того, что кажется нам подавляющим. Но есть ли в человеке что-то такое, что может быть сильнее

его самого? Здесь нужно помнить, что всякий невроз подразумевает присутствие той или иной степени деморализации. Невротик теряет веру в себя. Невроз – это унижающее поражение, так эта болезнь ощущается людьми, которые «прислушиваются», пусть не слишком внимательно, к собственному психическому состоянию. Причем поражение наносит в этом случае нечто «нереальное». В былые времена врачи могли убеждать пациентов, что с ними на самом деле ничего по-настоящему не произошло, что они не страдают в действительности от болезни сердца или от рака, а симптомы у них воображаемые. Чем больше пациент укреплялся в вере, что страдает *malade imaginaire*⁹, тем острее всю его личность пронизывало ощущение неполноценности. «Если симптомы у меня воображаемые, – говорил себе такой пациент, – то откуда же берется эта путаница в мыслях, доставляющая столько хлопот?» Признаться, воистину жаль смотреть на разумного вроде бы человека, который почти умоляет поверить, что он страдает раком желудка, – и одновременно покорным голосом повторяет, что он, конечно же, знает, что рак у него воображаемый.

13 Наша привычная материалистическая концепция психики, боюсь, не способна сколько-нибудь помочь, когда мы сталкиваемся с неврозами. Будь душа наделена какой-то «тонкой» телесной субстанцией, тогда мы могли бы, по крайней мере, сказать, что это оболочка, подобная дымке, стра-

⁹ Воображаемой болезнью (фр.). – Примеч. ред.

дает от вполне реального, пускай и воображаемого, мыслимого заболевания раком – точно так же, как наше грубое тело способно подхватить сходную болезнь. Вот это хотя бы оказалось чем-то реальным. Поэтому медицина испытывает столь сильную неприязнь ко всему психическому: она считает, что либо больно тело, либо вообще все в порядке. Если нельзя доказать подлинность телесного заболевания, это происходит только потому, что нынешние средства не позволяют врачу обнаружить истинную природу безусловно органических нарушений.

14 Но что же в таком случае представляет собой психика? Материалистические предрассудки трактуют ее как простой эпифеноменальный¹⁰ продукт органических процессов мозга. Значит, всякое психическое расстройство должно быть следствием органического или физического нарушения, которое не обнаруживается лишь в силу несовершенства наших диагностических средств. Несомненная связь между психикой и мозгом в известной мере подкрепляет эту точку зрения, но не настолько, чтобы сделать ее непоколебимой истиной. Мы не знаем, имеются ли при неврозах фактические нарушения органических процессов мозга, а в случае выявленных эндокринных нарушений невозможно ответить на вопрос, являются ли они причинами или следствиями.

15 С другой стороны, не вызывает сомнений тот факт,

¹⁰ То есть побочный, обусловленный протеканием других процессов. – *Примеч. ред.*

что подлинные причины невротозов сугубо психологические. Еще недавно было очень трудно вообразить, что для облегчения органического или физического расстройства может оказаться достаточно простых психологических мер, но в последние годы медицинская наука признала существование целой группы заболеваний (психосоматических расстройств), в которых многое зависит именно от психологии пациента. Мне довелось стать очевидцем случая истерической лихорадки с температурой около 39 градусов по Цельсию, которая исчезла через несколько минут после выяснения психологической ее природы. Как же объяснить случаи явно физических заболеваний, когда облегчение, а то и исцеление выступают результатом обсуждения болезнетворных психических конфликтов? Опять сошлюсь на свой опыт: я наблюдал пациента с псориазом, покрывшим практически все его тело, и это поражение кожи сократилось в размерах в десять раз за несколько недель психологического лечения. В другом случае пациент незадолго до консультации перенес операцию по уменьшению толстой кишки (ему удалили до сорока сантиметров ткани, но вскоре орган снова увеличился и стал больше прежнего). Пациент был в отчаянии и отказался от вторичной операции, хотя хирург настаивал на вмешательстве. После открытия ряда важных интимных фактов в беседе с психологом все у пациента пришло в норму.

16 Подобного рода опыт существенно затрудняет веру

в то, что психика есть нечто ничтожное, что воображаемые факты нереальны. Скажу так: реальность психики лежит не там, где ее ищут по близорукости. Психика существует, но не в физической форме. Смехотворным предрассудком будет предполагать, что существование может быть сугубо физическим. На деле же единственная форма существования, непосредственно нам известная, – это форма психическая. Причем мы могли бы сказать, что физическое существование есть всего-навсего вывод из психического, поскольку материя познается нами лишь через восприятие психических образов, поступающих в сознание от органов чувств.

17 Мы откровенно заблуждаемся, когда забываем эту простую, но фундаментальную истину. Даже пусть у невроза нет иной причины, кроме воображения, болезнь остается вполне реальной. Если некто вообразит меня своим смертельным врагом и расправится со мной, то я паду жертвой простого воображения. Воображаемые условия существуют, они могут быть столь же реальными, столь же вредоносными и опасными, как и физические обстоятельства. Полагаю даже, что психические расстройства куда страшнее эпидемий или землетрясений. Средневековые эпидемии бубонной чумы или черной оспы не смогли унести столько жизней, сколько унесли, например, различия во взглядах в 1914 году или борьба за политические «идеалы» в России.

18 Хотя разум не в состоянии воспринять собственную

форму существования – из-за отсутствия какой-либо архимедовой точки опоры вовне, – психика все равно существует; более того, она и есть само существование.

19 Что же мы ответим пациенту, вообразившему, что он болен раком? Я бы сказал ему так: «Да, друг мой, вы действительно страдаете от чего-то, похожего на рак, вы носите внутри смертельное зло. Оно не убьет ваше тело, потому что является воображаемым, зато способно постепенно погубить вашу душу. Она уже отравлена, этот яд пронизывает ваши отношения с другими людьми и омрачает ваше счастье. Это будет продолжаться, пока зараза не поглотит целиком ваше психическое существование. В конце концов вы перестанете быть человеком, сделаетесь злостной разрушительной опухолью».

20 Нашему пациенту ясно, что его нельзя признать творцом собственных болезненных фантазий, хотя теоретический склад ума, конечно, подскажет ему, что он является владельцем и создателем плодов своего воображения. Когда человек действительно страдает от рака, он вовсе не мнит себя ответственным за такое зло, вопреки тому факту, что опухоль находится в его теле. Но когда речь заходит о психике, мы тотчас ощущаем некую ответственность, как если бы сами являлись творцами наших психических состояний. Этот предрассудок, нужно отметить, возник сравнительно недавно. В дни не столь отдаленные даже высококультурные люди верили, будто психические силы могут воздействовать

на наши мысли и чувства. Привидения, колдуны и ведьмы, демоны и ангелы, даже боги считались способными вызывать в человеке психологические изменения. В былые времена пациент, вообразивший у себя рак, переживал бы эту мысль совсем иначе. Наверное, он предположил бы, что его кто-то сглазил или околдовал – либо что он одержим бесами. Ему бы и в голову не пришло считать себя породителем подобной фантазии.

21 Вообще-то я бы сказал, что о раке он задумался спонтанно, что эта мысль проистекает из той области психики, которая не тождественна сознанию. Это своего рода автономное образование, которое вторглось в сознание. О сознании мы говорим, что оно есть наше собственное психическое существование, но рак наделен своим, отличным психическим существованием, от нас независимым. Данное утверждение, как кажется, полностью соответствует наблюдаемым фактам. Если подвергнуть такого пациента ассоциативному эксперименту¹¹, то быстро выяснится, что этот человек не является хозяином в собственном доме. Его реакции будут заторможенными, деформированными, подавленными или замененными какими-то автономными внешними идеями. На некоторое число слов-стимулов он не сможет отвечать сознательно. В его ответах обнаружится некое автономное содержание, зачастую бессознательное, не осознаваемое говорящим. В нашем случае мы наверняка получим от-

¹¹ См. мои работы по изучению словесных ассоциаций. – *Примеч. авт.*

веты, источником которых окажутся психические комплексы – скажем, тот, который лежит в основе идеи рака. Едва слово-стимул затрагивает тему, связанную со скрытым комплексом, как реакция сознательного эго нарушается или даже замещается ответом, продиктованным этим комплексом. Создается впечатление, будто этот комплекс представляет собой автономное существо, способное вмешиваться в намерения эго. Комплексы и вправду ведут себя словно вторичные или частичные личности, наделенные собственной психической жизнью.

22 Многие комплексы отчуждаются от сознания, которое предпочло избавиться от них путем вытеснения. Но есть и другие, никогда ранее не попадавшие в сознание, а потому не подвергавшиеся ранее произвольному вытеснению. Они произрастают из бессознательного и вторгаются в сознание, привнося свои загадочные и недоступные пониманию влияния и побуждения. Случай нашего пациента относится как раз к этой категории. Несмотря на всю его культуру и разумность, этот человек стал беспомощной жертвой аффекта наподобие одержимости, не сумел оказать противодействия демонической силе болезнетворной идеи. Та зрела в нем, словно настоящая опухоль, а однажды проявилась и с того времени закрепилась в его сознании, отступая лишь изредка на короткое время.

23 Такие случаи помогают объяснить, почему люди опасаются обретения самоосознания. За ширмой ведь вполне

может оказаться нечто неприглядное — кто знает, что именно? — а потому люди предпочитают «принимать во внимание и тщательно наблюдать» исключительно внешние для сознания факторы. У большинства людей имеется своего рода первобытная *δεισιδαιμονία*, страх перед возможными содержаниями бессознательного. Помимо естественных робости и стыда, а также представлений о подобающем поведении, присутствует и тайная боязнь неведомых «духовных опасностей», угрожающих душе. Конечно, мы не готовы сознаваться в столь смехотворной боязни. Однако необходимо понять, что этот страх вовсе не является неоправданным; напротив, для него имеются веские основания. Мы никогда не сможем удостовериться заранее в том, что какая-нибудь новая идея не захватит нас целиком — или не подчинит себе наших соседей. Из современной, да и из древней истории хорошо известно, что подобные идеи могут показаться крайне странными, крайне причудливыми, полностью противоречащими доводам рассудка. Одержимость, почти всегда связанная с такими идеями, порождает фанатичную страсть, при всей внешней благопристойности этих идей, ведет к сжиганию инакомыслящих заживо или к отрубанию голов — а сегодня в ход пускают пулеметы. Мы даже не в силах утешаться той мыслью, что подобные события принадлежат отдаленному прошлому. К сожалению, они свойственны не только настоящему, но и будут свойственны, как представляется, грядущему.

щему. *Homo homini lupus est*¹² – печальная, но верная банальность. Словом, у человека достаточно причин опасаться тех безличных сил, которые таятся в его бессознательном. Мы пребываем в блаженном неведении относительно этих сил, поскольку они никогда (или почти никогда) не проявляются в наших личных отношениях с другими или в обычных обстоятельствах. Но стоит людям собраться вместе в толпу, как высвобождается динамика коллективного человека, которая выпускает наружу зверей или демонов, сидящих в каждом человеке, на потеху толпе. Среди людской массы отдельный человек бессознательно опускается на низший моральный и интеллектуальный уровень – на тот, который всегда лежит за порогом сознания и готов обнажиться, едва будет воспринят сигнал совместного пребывания в толпе.

24 Роковой ошибкой мне видится трактовка человеческой психики как чего-то сугубо личностного и попытки объяснить ее исключительно с личностной точки зрения. Такой способ объяснения применим только для отдельного человека, поглощенного своими повседневными занятиями и отношениями. При малейших же затруднениях, скажем, в форме какого-то непредвиденного и неожиданного события, тотчас призываются на помощь инстинктивные силы, воспринимаемые как нечто совершенно непостижимое, новое и даже странное. Их уже не объяснить личностными мотивами, скорее, они сравнимы с некоторыми дикарскими страхами – на-

¹² Человек человеку волк (лат.). – Примеч. ред.

пример, при солнечном затмении и схожих событиях. Посему попытка объяснить смертоносную вспышку большевизма индивидуальным отцовским комплексом лично мне кажется полностью бессмысленной.

25 Изменения в характере человека под влиянием коллективных сил поистине внушают трепет. Мягкое нравом благоразумное существо превращается на глазах в маньяка или дикого зверя. Вину за это обычно возлагают на внешние обстоятельства, однако нужно признать, что взрывается в нас то, что было заложено ранее. Вообще мы исконно проживаем на вершине вулкана; насколько известно, не существует способа уберечься от возможного извержения, которое уничтожит все, до чего дотянется. Конечно, полезно вызывать к разуму и здравому смыслу, но как быть, если тебе внемлют обитатели сумасшедшего дома или толпа, одержимая коллективным безумием? Разница между первыми и второй невелика, ибо и безумцами, и толпой движут могучие безличные силы.

26 К слову, достаточно такой малости, как невроз, чтобы пробудить силу, с которой невозможно справиться посредством разума. Наш пример с человеком, больным раком, ясно показывает, насколько бессильны рассудок и интеллект перед лицом очевиднейшей бессмыслицы. Я всегда советую моим пациентам принимать такую очевидную, но непобедимую бессмыслицу за проявление силы, суть которой им пока неведома. Опыт научил меня, что куда полез-

нее и действительнее воспринимать такие факты всерьез и пытаться подобрать для них подходящее объяснение. Впрочем, объяснение годится, лишь когда оно порождает гипотезу, соответствующую болезнетворному последствию. В нашем случае налицо воля и сила внушения, попросту безоговорочно превосходящие все средства, доступные сознанию пациента. В столь опасной ситуации будет скверной стратегией убеждать пациента в том, что за симптомами, каким-то непонятным образом, стоит он сам, тайно их изобретая и поддерживая. Внушение такого рода мгновенно парализует боевой дух пациента и совершенно его деморализует. Гораздо лучше постараться ему растолковать, что его комплекс – некая автономная сила, направленная против сознательной личности. Более того, подобное объяснение соответствует фактам больше, нежели сведение происходящего к личностным мотивам. Вдобавок личная мотивация, безусловно, сохраняется, но возникает не по желанию человека: она просто возникает.

27 Когда в вавилонском эпосе герой Гильгамеш в своем высокомерии и гордыне бросает вызов богам, те создают человека, равного по силе Гильгамешу, чтобы усмирить чрезмерно дерзкого и непочтительного героя¹³. С нашим пациентом случилось ровно то же самое: он – мыслитель, привыкший мерить мир исключительно на основе интеллекта

¹³ Изложение истории Гильгамеша см. в книге Шотта. – *Примеч. авт.* (См. библиографию. – *Ред.*)

и разума. Его притязания привели, по меньшей мере, к тому, что он замахнулся на выковывание собственной судьбы. Он все подвергал беспощадному суду разума, но природе где-то удалось ускользнуть – и она вернулась, чтобы отомстить, в форме совершеннейшей бессмыслицы, той самой фантазии по поводу рака. Бессознательное измыслило тонкую и хитроумную ловушку, дабы удержать человека в безжалостной, жестокой узде. Это сокрушительный удар по всем его разумным идеалам, прежде всего по вере во всемогущество человеческой воли. Такого рода одержимость свойственна лишь тем, кто постоянно злоупотребляет разумом и интеллектом ради эгоцентрических личных целей.

28 Вспомним, правда, что Гильгамешу удалось избежать божественного возмездия. Его посещали вещие сны, к которым он все-таки прислушался. Эти сны подсказали ему, как лучше одолеть врага. У нашего пациента, живущего в эпоху, когда боги вымерли и даже пользуются дурной славой, тоже были пророческие сновидения, но он ими пренебрег. Как можно разумному человеку настолько поддаться предрассудкам, чтобы воспринимать сны всерьез! Широко распространенное предубеждение по поводу сновидений является лишь одним из симптомов куда более значимой недооценки человеческой психики вообще. Удивительное развитие науки и техники сегодня уравнивается поразительной утратой мудрости и интроспекции. Верно, что наша религия много говорит о бессмертной душе, зато у нее най-

дется лишь несколько добрых слов о человеческой психике как таковой, обреченной на вечные адские муки без особого акта божественной благодати. Эти два важных фактора в первую очередь несут ответственность за общую недооценку значения психики, но они должны разделить ту самую ответственность с куда более древними факторами – с первобытным страхом перед бессознательным и с отвращением ко всему, что граничит с бессознательным.

29 Сознание исходно, по моему мнению, было чем-то хрупким и непрочным. В относительно примитивных обществах еще возможно наблюдать, насколько легко оно утрачивается. Одной из «опасностей души»¹⁴, кстати, является как раз утрата души, когда часть психики снова становится бессознательной. Другим примером здесь может служить состояние, называемое «амок»¹⁵, – в сходное с этим состоянием впадали берсерки в германских сагах¹⁶. Это в большей или меньшей степени состояние транса, часто сопровождаемое гибельными социальными последствиями. Даже впол-

¹⁴ См.: *Frazer J. G. Taboo and the Perils of the Soul*. 1911. С. 30 и далее; *Crawley A. E. The Idea of the Soul*. L., 1909. С. 82 и далее; *Levy-Bruhl L. La Mentalite Primitive*. P., 1922. – *Примеч. авт.*

¹⁵ См.: *Finn. Runnlnig Amok*. 1901. – *Примеч. авт.* В этнографии амок – состояние возбуждения, свойственное народам Юго-Восточной Азии. В немецкой психологии этим словом стали характеризовать слепую и немотивированную агрессию. – *Примеч. пер.*

¹⁶ См.: *Ninck M. Wodan und germanischer Schicksalsglaube*. Jena. 1935. – *Примеч. авт.*

не обычная эмоция может вызвать заметную утрату сознательности. Дикари поэтому придерживаются строгих и проработанных правил вежливости, говорят приглушенным голосом, кладут на землю оружие, падают ниц, склоняют головы и показывают раскрытые ладони. Даже в наших формах вежливости можно отыскать следы «религиозного» предвидения потенциальных психических опасностей. Мы пытаемся умиловить судьбу, магически желая друг другу доброго дня. Левую руку нехорошо держать в кармане или за спиной, когда правой пожимаешь руку другого. Если нужно выказать особое уважение, при рукопожатии следует использовать обе руки. Перед людьми, наделенными большой властью, мы склоняем непокрытую голову, тем самым как бы подставляя шею сильному, который способен вдруг вспылать необузданным насилием. А дикари в ходе воинских плясок приходят в такое возбуждение, что могут наносить себе ранения и проливать кровь.

30 Жизнь дикаря наполнена постоянными заботами, он всюду подозревает некие таящиеся в засаде психические опасности, а потому дикарские способы, призванные уменьшить этот риск, столь многочисленны. Наглядным доказательством здесь служат табу – запреты, которые налагаются на различные области деятельности. Эти бесчисленные табу, которые тщательно и со страхом соблюдаются, суть специально выделяемые «участки» психики. Мне однажды довелось совершить чудовищную ошибку, когда я гостил у дика-

рей на южном склоне горы Элгон в Восточной Африке. Я захотел выяснить подробности относительно так называемых «призрачных домов», на которые часто натыкался в лесу, и в ходе разговора я употребил слово «селельтени», то есть «призрак». Тотчас мои собеседники умолкли, и воцарилось смятенное молчание. Все отвернулись от меня, поскольку я громко произнес слово, которого было принято старательно избегать, и тем самым навлек на себя и окружающих самые печальные последствия. Пришлось сменить тему разговора, чтобы не прерывать общение. Те же люди уверяли меня, что у них не бывает сновидений; сны полагалось видеть только вождю и колдуну-знахарю (*medizinmann*). Позже колдун поведал мне, что и сам перестал видеть сны, поскольку власть над этой землей перешла к окружному комиссару. «С тех пор как пришли англичане, у нас больше нет снов, – сказал он. – Окружной комиссар все знает – о войне и болезнях, о том, где и как нам жить». Это странное суждение основывалось на том факте, что сновидения прежде выступали таким высшим политическим указанием, голосом «мунгу» – божества. Поэтому со стороны обычного человека было неразумно даже намекать, будто ему что-либо снится.

31 В сновидениях звучит голос Неведомого, которое от века грозит новыми опасностями, жертвами, войнами и прочими неурядицами. Одному из африканцев как-то приснилось, что враги захватили его в плен и сожгли живьем. На следующий день он собрал своих родственников и стал

упрашивать, чтобы те его сожгли. Они согласились лишь связать ему ноги и поднести огонь к конечностям. Разумеется, он после этого сильно хромал, но сумел ускользнуть от своих врагов¹⁷.

32 Множество магических ритуалов имеет единственное предназначение – возвести защиту от неожиданных опасностей, таящихся в бессознательном. Тот необычный факт, что сновидение передает божественные указания, представит вестником небес и одновременно доставляет бесконечные хлопоты, нисколько не смущает дикарские разумы. Очевидные остатки такого первобытного мышления обнаруживаются в психологии древнееврейских пророков¹⁸. Эти пророки достаточно часто сомневались, прислушаться или нет к голосу Бога. Напомним, что столь благочестивому человеку, как Осия, было непросто жениться на блуднице во исполнение веления Господа¹⁹. С незапамятных времен существует обычай ограждать произвол и своеволие проявлений «сверхъестественного» посредством определенных правил и законов. Этот процесс продолжается на протяжении всей истории человечества, ритуалы, институции и вероучения множатся и множатся. За последние два тысячелетия ин-

¹⁷ См.: *Levy-Bruhl L. Les Fonctions Mentales dans les sociétés Inférieures; Он же, La Mentalité..., III, Les Rites. – Примеч. авт.*

¹⁸ См. *Haeussermann Fr. Wortempfang und Symbol In der alttestamentlichen Prophetie. Gießen, 1932. – Примеч. авт.*

¹⁹ Ос. 1–2. – *Примеч. ред.*

ституция христианской церкви приняла на себя посредническую и защитную функции, встав между этими проявлениями иного и человеком. В средневековых церковных текстах вовсе не отрицается, что божественное вдохновение может иметь место во сне, но нельзя утверждать, что такое поощрялось, и церковь оставляла за собой право решать, считать подобное откровение подлинным или нет.

В превосходном трактате о сновидениях и их особенностях²⁰ за авторством Бенедикта Перерия говорится: «...Господь же никоим образом не подвластен законам времени и не нуждается в благоприятствовании времен для действия; где хочет, когда хочет и кому хочет внушает Он сновидения...» (*Deus nempe, istiusmodi temporum legibus non est alligatus nec opportunitate temporum eget ad operandum, ubicunque enim vult, quandocunque, et quibuscunque vult, sua inspirat somnia*, с. 147). Следующий отрывок проливает свет на отношения церкви к сновидениям как таковым: «Ибо читаем мы в беседах Кассиана (22), что древние управители и наставители монашества прилежно занимались изучением и установлением причин различных сновидений» (*Legimus enim apud Cassianum in collatione 22 veteres illos monachorum magistros et rectores, in perquirendis, et excutiendis quorundam*

²⁰ См.: *Pererius Benedictus S. J. De Magia. De Observatione Somniorum et de Divinatione Astrologica Ilbri tres. Coloniae Agripp., 1598. С. 114 и далее. – Примеч. авт.*

somniorum causis, diligenter esse versatos, с. 142). Перерий классифицировал сновидения следующим образом: «Многие [из них] суть естеством данные, иные – человеческие, а иные же – божественные» (...multa sunt naturalia quaedam humana, nonnulla etiam divina, с. 145). Имеются четыре причины сновидений: 1) телесные воздействия; 2) неистовое смятение ума вследствие любви, надежды, страха или ненависти (с. 126); 3) власть и хитроумие демона, то есть языческого божества или христианского дьявола: «Ибо способен демон владеть естественными событиями, коим надлежит воспоследовать по определенным причинам; ведомо ему, в былом и в настоящем, все, что сокрыто для людей, и он внушает людям это знание посредством снов» (Potest enim daemon naturales effectus ex certis causis aliquando necessario proventuros, potest quaecunque ipsemet postea factururus est, potest tam praesentia, quam praeterita, quae hominibus occulta sunt, cognoscere, et hominibus per somnium indicare, с. 129). По поводу диагностики демонических сновидений автор замечал: «Можно выявить, каковы сны посылаются демоном, и первое всего это частые сновидения, в коих сообщается о грядущем или тайном, постижение чего не сулит выгоды ни себе, ни прочим, лишь тешит суетную гордыню мелочным знанием или вовсе побуждает к причинению кому-либо зла» (Coniectari potest, quae somnia missa sint a daemone: primo quidem, si frequenter accidunt somnia significantia res futuras, aut

occultas, quarum cognitio non ad utilitatem, vel ipsius, vel aliorum, sed ad inanem curiose scientiae ostentationem, vel etiam ad aliquid mali faciendum conferat, с. 130); 4) сновидения, ниспосланные Богом. О признаках божественной природы сновидений говорится так: «... из значения явленного во сне, и особенно во сне, становится ведомым человеку то, что позволено ему знать лишь с Божьей помощью и по милости Господней. Таковы эти познания, что среди богословов оные зовутся предвосхитимыми событиями грядущего, а также тайны сердец, сокровенно укрытые от всякого человеческого понимания; затем еще те наивысшие для нашей веры таинства, каковые заповеданы лишь тому, кто приходит к ним Божьим попущением... Все божественное раскрывается पहले всего обретением некоего просветления и устремлением души, коими Бог озаряет наш разум, наставляет нашу волю и внушает сновидцу уверенность в истинности и неоспоримости такого сна; человек, узревший подобный сон, ясно осознает и не колеблясь сомнений признает за Господом честь творения, в каковое он жаждет верить и каковому надлежит верить без малейшего сомнения» (*ex praestantia rerum, quae per somnium significatur: nimirum, si ea per somnium innotescant homini, quorum certa cognitio, solius Dei concessu ac munere potest homini contingere, huiusmodi [sic] sunt, quae vocantur in scholis Theologorum, futura contingentia, arcana item cordium, quaeque intimis animorum inclusa recessibus, ab omni penitus mortalium*

intelligentia oblitescunt, denique praecipua fidei nostrae mysteria, nulli, nisi Deo docente manifesta... Deinde, hoc ipsum <divinum esse> maxime declarator interiori quadam animorum illuminatione atque commotione, qua Deus sic mentem illustrat, sic voluntatem afficit, sic hominem de fide et autoritate eius somnii certiora facit, ut Deum esse ipsius auctorem, ita perspicue agnoscat, et liquido iudicet, ut id sine dubitatione ulla credere, et velit, et debeat, с. 131). Поскольку демон, как было сказано выше, тоже способен посылать сновидения, точно предсказывающие будущие события, автор в подкрепление своих рассуждений добавляет цитату из Григория Великого²¹ (Dialog. Lib. IV. Cap. 48): «Святые мужи различают мнимости и откровения, голоса и отголоски видений посредством внутреннего чутья, ибо надлежит им знать, что воспринимается от доброго духа, а что претерпевают от обманщика. Ведь не проявляй разум человеческий такой осмотрительности, то погряз бы он в обилии суетности из-за духа-обманщика, который норовит порою предречь многие события правдиво, дабы восторжествовать потом и пленить душу человеческую той или иной ложью» (Sancti viri... inter illusiones, atque revelationes, ipsas visionum voces et imagines, quondam intimo sapore discernunt, ut sciant quid a bono Spiritus percipiant, et quid ab illusore

²¹ Один из латинских отцов церкви, папа римский, в своих трудах уделявший много внимания церковному расколу на западное и восточное христианство; в православной традиции известен как Григорий Двоеслов. – *Примеч. пер.*

patiantur. Nam si erga haec mens hominis cauta non esset, per deceptorem spiritum, multis se vanitatibus immergeret, qui nonnunquam solet multa vera praedicere, ut ad extremum valeat animam ex una aliqua falsitate laceare, с. 132). Кажется, что это желанная защита от той неопределенности, что возникает при сновидениях, связанных с «наивысшими для нашей веры таинствами». Афанасий в жизнеописании святого Антония показывает, насколько умело бесы предсказывают грядущие события²². Согласно тому же автору, бесы иногда предстают даже монахами, распеваящими псалмы, читают вслух Библию, отпускают едкие замечания о моральном облике братии, которую хотят ввести в соблазн²³. Впрочем, Перерий как будто доверял собственным выводам и продолжал так: «Природный светоч нашего разума позволяет нам ясно опознавать истинность основных первоначал, каковые тем самым постигаются нами непосредственно, без всяких доказательств, а в сновидениях, ниспосланных Господом, божественный свет проливается в наши души и приносит понимание, в силу коего мы верим, что сны сии истинны и исходят от Всевышнего» (Quemadmodum igitur naturale mentis nostrae lumen facit non evidenter cernere veritatem primorum principiorum, eamque statim citra

²² См.: Wallis E. A. Budge, The Book of Paradise. L., 1. с. 37 и далее. – Примеч. авт.

²³ Там же, с. 33 и далее, 37. – Примеч. авт.

ullam argumentationem, assensu nostro complecti: sic enim somniis a Deo datis, lumen divinum animis nostris affulgens, perficit, ut ea somnia, et vera et divina esse intelligamus, certoque credamus). Перерий избегал спорного вопроса о том, почему всякое несокрушимое убеждение, полученное во сне, обязательно является доказательством божественного происхождения сновидения, и просто принимал как данность, что сновидения такого рода естественным образом соотносятся с «высшими таинствами». Гуманист Каспар Пейцер в своем «Толковании к основным видам гаданий» высказывался по данному поводу значительно четче и сдержаннее: «Те сны исходят от Всевышнего, каковые согласно Святому Писанию ниспосылаются с горних высот людям, но не всем и каждому, не всем, кто домогается откровений и ожидает приобщения к оным исключительно в силу своего упования, а святым отцам и пророкам по Божьему выбору и Его милости. Эти сновидения повествуют вовсе не о легких свершениях, не о мелочных сиюминутных делах, но о Христе, о главенстве церкви, о царствах и благоустройстве оных, также о прочих дивных событиях, и к таким снам Господь непременно присовокупляет точные свидетельства, вроде дара понимания, из чего становится очевидным, что противиться этим снам грешно, что снятся они не случайно, порождаясь в природе, но вызревают Божьим попущением» (*Divina somnia sunt, quae divinitus immissa sacrae literae*

affirmant, non quibusvis promiscue, nec captantibus aut expectantibus peculiare ἀποκάλυψις sua opinione: sed sanctis Patribus et Prophetis Dei arbitrio et voluntate nec de levibus negociis, aut rebus nugacibus et momentaneis, sed de Christo, de gubernatione Ecclesiae, de imperiis, et eorundem ordine, de aliis mirandis eventibus: et certa his semper adidit Deus testimonia, ut donum interpretationis et alia, quo constare non fernere ea objici neque ex natura nasci, sed inseri divinitus, Commentarius de praecipuis generibus divinationum, с. 270). Кристо-кальвинизм²⁴ Пейцера наглядно проявляется в этих словах, особенно если сравнить их с «естественным богословием» его католических современников. Возможно, замечание Пейцера по поводу «откровений» являлось каким-то еретическим новшеством. Во всяком случае, в следующем абзаце, где речь идет о *somnia diabolici generis* (снах дьяволических), он писал, что есть сновидения, которые «дьявол ныне посылает анабаптистам, а во все времена эти сны снились иступленным и прочим фанатикам...» (*quaeque nunc Anabaptistis et omni tempore Enthusiastis et similibus fanaticis... <diabolus exhibet>*, с. 270). Перерый же с большей проницательностью и пониманием человеческой природы посвятил отдельную главу вопросу, какому именно человеку подобает верно истолковывать сновидения (с. 145 и далее). Исходно он делал вывод, что рассмотрению подлежат важные сны.

²⁴ Так у автора; имеется в виду призыв внимать сновидениям, чуждый кальвинизму с его рационализмом и недоверием к мистике. – *Примеч. пер.*

Прочитирую его слова: «Наконец остановимся на том, способны ли сновидения, зачастую нас беспокоящие и побуждающие к злым деяниям, приходить к нам от дьявола, а также на том, верно ли, что сны, каковые нас воодушевляют и направляют к добру, будь то безбрачие, щедрость в подаяниях или приобщение жизни в вере, внушаются нам Господом; признавать сие есть удел не того, кто склонен к суевериям, а мужа верующего, разумного, ревностного, озабоченного своим спасением» (*Denique somnia quae nos saepe commovent, et incitant ad flagitia, considerare num a daemone nobis subjiçantur, sicut contra, quibus ad bona provocamur et instigamur, veluti ad caelibatum, largitionem eleemosinarum, et ingressum in religionem, ea ponderari num a Deo nobis missa sint, non est superstitiosi animi, sed religiosi, prudentis, ac salutis suae satagentis, atque solliciti*, с. 143). Только глупцы станут обращать внимание на прочие – пустопорожние – сны. Во второй главе Перерий давал ответ – никто не должен и не может истолковывать сны «без вдохновения свыше и без Господнего промысла», ибо «кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем. Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия». Это утверждение, само по себе в высшей степени истинное, передает искусство толкования сновидений в руки лиц, кто *ex officio* (по обязанностям) наделен *donum spiritus sancti* (даром Святого Духа). Очевидно, впрочем, что автор-иезуит не мог вообразить *descensus spiritus sancti extra ecclesiam* (сошествия

Святого Духа вне церкви).

Признавая, что некоторые сновидения и вправду ниспосланы Божеством, церковь, тем не менее, отнюдь не склонна сколько-нибудь серьезно относиться к сновидениям (более того, отвращается от них), но все же заявляет, что отдельные сны могут непосредственно содержать откровение. Иными словами, изменения психической установки за последние столетия – по крайней мере, с этой точки зрения – отчасти приемлемы для церкви, которая в целом одобряет упадок прежней интроспективной установки, подразумевавшей пристальное внимание к сновидениям и внутреннему опыту.

33 Протестантизм, обрушивший столько стен, ранее тщательно воздвигнутых церковью, мгновенно испытал на себе разрушительные и схизматические воздействия индивидуального откровения. Едва догматическая ограда пала, едва ритуалы утратили свою силу и власть, как человеку пришлось столкнуться с внутренним опытом один на один – без защиты и наставничества догматов и ритуалов, то есть без самой квинтэссенции как христианского, так и языческого религиозного опыта. Протестантизм, по сути, лишился и всех тонкостей традиционного христианства, от мессы и исповеди до большей части литургии и пастырского рвения служителей культа.

34 Следует подчеркнуть, что это суждение не является оценочным и не должно считаться таковым. Я лишь перечис-

ляю факты. Протестантизм при этом придал дополнительный авторитет Библии как заместителю утраченного церковного авторитета. Но, как показала история, некоторые библейские тексты возможно истолковывать множеством способов, а научная критика Нового Завета не слишком-то способствовала распространению веры в божественность Священного Писания. Под влиянием так называемого научного просвещения огромная масса образованных людей либо покинула церковь, либо сделалась глубоко к ней равнодушной. Будь они все скучными рационалистами или невротичными интеллектуалами, от этой потери можно было бы отмахнуться. Но многие из них вполне религиозны по своим убеждениям, хотя и отвергают существующие ныне формы верования. Иначе трудно объяснить удивительное воздействие движения Бухмана²⁵ на более или менее образованные протестантские слои населения. Католик, повернувшийся спиной к церкви, обычно склоняется к атеизму, тайно или совершенно открыто, тогда как протестант, по возможности, присоединяется к какому-либо сектантскому порыву. Абсолютизм католической церкви как будто требует столь же аб-

²⁵ Имеется в виду Движение морального перевооружения, основанное в 1921 г. американским лютеранином Ф. Бухманом под названием «Христианское братство первого века», а затем получившее известность как Оксфордская группа. Это движение учило, что «правильной церкви» не нужны «ни иерархия, ни пожертвования, ни работники, ни плата»; все «в руках Божьих», а стремиться нужно к «новому мировому порядку, во главе коего стоит царь Христос». — *Примеч. пер.*

солютного отрицания, в то время как протестантский релятивизм допускает различные вариации.

35 Может показаться, что я чрезмерно углубился в историю христианства исключительно ради того, чтобы объяснить предрассудки по поводу сновидений и индивидуально-внутреннего опыта. Но сказанное выше могло бы стать частью моей беседы с упомянутым пациентом, страдающим от рака. Я бы сказал ему, что лучше принять навязчивые мысли всерьез, нежели считать их патологической бессмыслицей. Это означало бы признать за теми мыслями свойство диагностического суждения, усмотреть в них тот факт, что в психике, которая реально существует, возникли некие затруднения, обретшие материальную форму растущей раковой опухоли. Пациент наверняка спросил бы: «А почему она растет?» Я бы ответил, что не знаю, поскольку у меня действительно нет содержательного ответа. Хотя, как уже отмечалось ранее, это безусловно компенсаторное или дополняющее бессознательное развитие, о его специфической природе и содержании пока ничего не известно. Это спонтанное проявление бессознательного, основанное на содержании, которого мы не сможем обнаружить в сознании.

36 Тогда мой пациент, конечно, пожелает узнать, каким образом я рассчитываю добраться до этого содержания, порождающего навязчивые мысли. Я сообщу ему, рискуя изрядно шокировать, что необходимые сведения нам предоставят его сновидения. Мы станем рассматривать их так, словно

они поступают из источника, наделенного умом, целесообразностью и даже как бы личностным началом. Это, без сомнения, смелая гипотеза, своего рода авантюра, поскольку мы предполагаем всецело довериться давно дискредитированной сущности – психике, – само существование которой по-прежнему отвергается многими современными психологами и философами. Знаменитый антрополог, которому я изложил свой метод рассуждения, сделал типичное замечание: «Все это, конечно, очень интересно, но опасно». Да, я признаю, что это опасно – ничуть не менее, чем сам невроз. Желание избавиться от невроза вообще подразумевает готовность идти на риск. Без известного риска любая попытка что-либо совершить обречена на провал, уж это слишком хорошо нам известно. Хирургическая операция по удалению раковой опухоли тоже рискованна, но такие операции все-таки выполняют. Я частенько испытываю искушение подсказать пациентам, чтобы они, ради лучшего понимания, воображали психическое как некое «тонкое» тело (*subtle body*), в котором могут произрастать столь же «тонкие» опухоли. Суеверная убежденность в том, что психика невообразима и потому ничтожнее дуновения ветра – равно как и уверенность в том, что она есть некая более или менее интеллектуальная система логических понятий – настолько велика, что люди попросту не осознают определенных содержаний и мнят их несуществующими. Они не доверяют и сомневаются в достоверности функционирования психики за преде-

лами сознания, а сновидения считают всего-навсего смехотворными измышлениями. В этих условиях моя теория вызывает наихудшие подозрения. Мне и вправду приходилось выслушивать немало всевозможных доводов против смутных призраков сновидений.

37 Однако в сновидениях мы обнаруживаем, даже без глубокого анализа, те самые конфликты и комплексы, существование которых устанавливается с помощью ассоциативных тестов. Более того, эти комплексы образуют неотъемлемую часть существующих неврозов. Следовательно, мы располагаем вескими основаниями считать, что сновидения способны, по крайней мере, снабдить нас таким же запасом сведений о содержании невроза, что и ассоциативный тест. (Вообще-то сведений от них гораздо больше, чем от тестов.) Симптом подобен ростку над землей, но основная часть растения – это широко раскинутая сеть подземных корней. Эта корневая сеть отражает содержание невроза, объединяет в нечто целое комплексы, симптомы и сновидения. Мы с полным основанием можем утверждать, что сновидения отображают именно эти, так сказать, подземные психические процессы. Если получится к ним подобраться, мы доберемся буквально до «корней» болезни.

38 Так как в мои намерения не входит подробное рассмотрение психопатологии неврозов, далее я хочу остановиться на другом случае как примере воздействия сновидений, которые открывают неизвестные внутренние факты психики

и содержание этих фактов. Теперь сновидцем будет еще один интеллеktуал, человек поразительных умственных способностей и блестяще образованный. Будучи невротиком, он обратился ко мне за помощью, поскольку чувствовал, что невроз становится непреодолимым и медленно, но верно разъедает его душу. К счастью, интеллектуальная целостность его ума еще не пострадала, и он мог свободно пользоваться своим острым интеллектом. По этой причине я поручил ему самому наблюдать и записывать свои сновидения. Его сны не анализировались и не объяснялись, лишь много позже мы приступили к анализу, а потому сновидения, о которых я сейчас поведаю, не содержат ни малейших внешних влияний. Они отражают совершенно естественную последовательность событий, лишенную чужого вмешательства. Пациент не брал в руки ни единой книги по психологии как таковой, не говоря уж об аналитической психологии.

39 Поскольку последовательность состоит из четырехсот с лишним сновидений, я вряд ли смогу передать общее впечатление об этом материале; зато опубликовал в другом месте подборку из семидесяти четырех снов этого пациента, содержащую мотивы, вызывающие значительный религиозный интерес²⁶. Следует заранее отметить, что сновидец был по воспитанию католиком, но уже отошел от веры и нисколь-

²⁶ См. мою работу «Символы сновидений в процессе индивидуации». – *Примеч. авт.* (В расширенном и дополненном виде эта работа вошла в состав труда «Психология и алхимия», часть II. – *Примеч. ред. оригинального издания.*)

ко не интересовался религиозными вопросами. Он принадлежал к тем интеллектуалам, приверженным научной точке зрения, которые приходят в изумление, когда кто-либо пытается их озадачить богословскими рассуждениями. Если предполагать, что бессознательное обладает психическим бытием, независимым от сознания, то случай нашего сновидца может вызывать особый интерес – разумеется, при том условии, что мы не ошибаемся, усматривая религиозность в характере отдельных сновидений. Если же превозносить исключительно сознание и не наделять бессознательное способностью к независимому бытию, будет крайне любопытно выяснить, выводимы ли материалы сновидений из содержания сознания. Допуская, что факты могут благоприятствовать гипотезе о бессознательном, мы сможем использовать сновидения в качестве источника сведений о возможных религиозных устремлениях бессознательного.

40 Нелепо ожидать от сновидений непосредственного отношения к религии. Однако среди четырехсот снов нашего пациента были два, явно религиозных по значению. Я приведу далее описание, составленное самим сновидцем.

Во всех домах есть нечто театральное, словно они – декорации к спектаклю. Кто-то упоминает по имени Бернарда Шоу. Пьесу должны сыграть в отдаленном будущем. На нескольких домах вывеска с надписью на немецком и английском:

«Это вселенская католическая церковь.

Это церковь Господа.

Все, чувствующие себя орудиями Господа, могут войти».

Внизу приписка мелкими буквами: «Эта церковь основана Иисусом и Павлом», словно некая фирма похвально своей долгой историей.

Я говорю приятелю: «Давай зайдем, посмотрим». Он отвечает: «Не понимаю, зачем стольким людям собираться вместе, чтобы мыслить о вере». Я возражаю: «Ты протестант, потому и не понимаешь». Какая-то женищина одобрительно кивает. Далее я вижу что-то вроде листовки на стене церкви. Там написано:

«Солдаты!

Когда ощутите над собою власть Всевышнего, избегайте говорить с Ним напрямую. Господь не внемлет словам. Еще мы настоятельно советуем не вступать в обсуждения Господних признаков и качеств. Это бесполезно, ведь все ценное и важное невыразимо.

*Подпись: Папа *** (имя не разобрать)».*

Мы входим в храм. Обстановка внутри напоминает мечеть, собственно, очень похоже на Святую Софию²⁷. Скамей нет, отчего возникает впечатление обширного про-

²⁷ Имеется в виду собор Святой Софии (мечеть Айя-София) в Стамбуле. — Примеч. ред.

странства; образов тоже нет, только обрамленные тексты на стенах (как будто отрывки из Корана²⁸). Один текст гласит: «Не льсти благодетелю своему». Та самая женщина, что ранее одобрительно мне кивала, ударяется в слезы и говорит: «Тут ничего не осталось!» Я отвечаю. «По-моему, все в порядке», но женщина исчезает. Сначала я стою прямо перед колонной, которая застилает взор, затем меняю местоположение и вижу толпу людей. Я не принадлежу к ним, стою отдельно, зато они видны мне очень хорошо, и я ясно различаю их лица. Они поют хором: «Мы признаем власть Всевышнего, и Царство небесное внутри нас». Они повторяют эту фразу трижды, самым торжественным образом. Начинает играть орган, хор поет фугу Баха и хорал. Но слов не разобрать, только красивое пение, изредка прорываются и повторяются следующие слова: «Все остальное на бумаге» (это означает, по-видимому, что оно не вызывает во мне живого отклика). Когда хорал стихает, начинается наиболее радостная (*gemütlich*) часть службы, как если бы мы попали на студенческую встречу. Люди кругом веселятся и держатся на равных. Мы ходим по храму, разговариваем, приветствуем друг друга, подается вино (из запасов епископа) и другие напитки. Пьют за здоровье церкви, а затем, словно выражая всеобщую радость по поводу пополнения общины новыми членами, из громкоговорителя звучит мелодия в стиле регтайм

²⁸ Koransprueche. – Примеч. ред.

с припевом: «Карл сегодня с нами, с нами». Священник объясняет мне: «Эти развлечения, пусть они слегка мирские, официально признаны и разрешены. Мы должны отчасти приспособливаться к американским методам. С такой многочисленной паствой, как у нас, это неизбежно. Но наше принципиальное отличие от американских церквей в том, что мы старательно блюдем антиаскетические меры». Тут я просыпаюсь с чувством огромного облегчения.

41 Как известно, имеются многочисленные работы по феноменологии сновидений, но лишь немногие из них затрагивают психологию сна. Причина понятна: психологическое истолкование сновидений – дело крайне деликатное и рискованное. Фрейд предпринял смелую попытку прояснить запутанность психологии сновидений посредством методов, которые он усвоил в области психопатологии²⁹. Как бы я ни восхищался дерзостью этой попытки, согласиться с его методом и полученными результатами я не в силах. Фрейд видит в сновидении ширму, за которой тщательно что-то скрывается. Несомненно, невротики стараются скрыть все непри-

²⁹ См. его «Толкование сновидений». Зильберер («О снах», 1919) придерживается более осторожного, умеренного и взвешенного взгляда. Что касается нашего с Фрейдом расхождения во мнениях по поводу сновидений, отсылаю читателя к моей небольшой статье на сей счет – «Фрейд и Юнг: противоречия» (см. том 4 собрания сочинений К. Г. Юнга. – *Ред.*). Кроме того, см. мои «Очерки по аналитической психологии»; *Kranefeldt, Die Psychoanalyse; Adler, Entdeckung der Seele; Toni Wolff, Einfuehrung in die Grundlagen der komplexen Psychologic, in Studien zu C. G. Jungs Psychologie. – Примеч. авт.*

ятное, возможно, ничуть не меньше, чем нормальные люди. Вопрос в том, применима ли эта категория к такому нормальному и распространенному явлению, как сновидение. Лично я сомневаюсь в том, что сон есть нечто иное, нежели то, чем он кажется. Скорее, я готов сослаться на другой иудейский источник – на Талмуд, – где говорится, что сон содержит собственное толкование. Иными словами, я принимаю сон как таковой. Сновидение – настолько сложный и запутанный предмет, что я не решился бы выдвигать догадки о его возможных значениях и склонности обманывать сновидцев. При этом сон – явление естественное, нет никаких оснований видеть в нем некое хитроумное приспособление, призванное сбивать нас с толка. Он приходит, когда сознание и воля в значительной степени угасают. Кажется, что это естественный продукт, часто встречаемый не только у невротиков. Более того, мы знаем так мало о психологии сновидений, что требуется предельная осторожность, когда в объяснение сновидений привносятся некие чуждые им элементы.

42 По всем перечисленным причинам я склонен полагать, что разбираемое нами сновидение действительно говорит о религии и может считаться религиозным. Поскольку этот сон обладает внятной и хорошо проработанной структурой, он предполагает некую логику и определенную интенцию, то есть в него заложена значимая мотивация, которая находит непосредственное выражение в содержании сновидения.

дения.

43 Первая часть сна представляет собой очевидное высказывание в пользу католической церкви. Заявленная протестантская точка зрения, будто религия есть индивидуальный опыт, отвергается сновидцем. Вторая часть сна, более схожая с гротеском, как бы приспособливает церковь к решительно мирской точке зрения и заканчивается утверждением в пользу антиаскетической жизни – каковую не могла и не стала бы поддерживать настоящая церковь. Тем не менее священник, во сне отрицающий аскезу, словно возводит это утверждение в принцип. Одухотворенность и сублимация – это сугубо христианские принципы, и всякая попытка утверждать иное равносильна богохульному язычеству. Христианство никогда не было по-настоящему мирским и никогда не взидало благосклонно на винопитие или чревоугодие; более чем сомнительным выглядит и приобретение джазовой музыки как части литургии. «Веселые» люди, «на равных» беседующие друг с другом (более или менее по-эпикурейски), напоминают об идеале античной философии, скорее неприятном для современного христианина. При этом в обеих частях сновидения подчеркивается важность многолюдия паствы (толпы) в храме.

44 Таким образом, католическая церковь, при всей ее неоспоримой возвышенности, выступает как бы в паре со странной языческой точкой зрения, которая совершенно несовместима с фундаментальной установкой христианства.

Причем фактическая их несовместимость не явлена в сновидении прямо. Она как бы замалчивается «радостной» обстановкой, в которой опасные противоречия затемняются и будто расплываются. Протестантское воззрение на индивидуальное взаимоотношение с Богом здесь поглощается массовой организацией и соответствующим ей коллективным религиозным чувством. Настоятельность упоминаний о толпе наряду с «насаждением» языческого идеала видятся любопытными параллелями к реальным событиям в нынешней Европе. Все дивятся языческим наклонностям в современной Германии, потому что никто не знает, как истолковать дионисийский опыт Ницше. Ницше – всего один из тысяч и миллионов немцев, еще не родившихся, в чьем бессознательном тевтонский кузен Диониса, а именно – Вотан – обрел бытие в годы Великой войны³⁰. В сновидениях немцев, которых я лечил в ту пору, мне ясно открывалась грядущая вотановская революция, и в 1918 году я опубликовал статью, в которой указал на особого рода ход мысли, характерный

³⁰ Имеется в виду сопоставление Одина как божественного покровителя поэтов, провидцев и «одержимых творчеством», а также Мимира, Мудрого, с Дионисом и Силеном. Само слово «Один» родственно галльскому *ováteis*, ирландскому *faith* и латинскому *vates*, ср. *μάντις* и *μαίνομαι*. См.: *Ninck, Wodan und germanischer Schicksalsglaube*. – *Примеч. авт.* Мимир – в скандинавской мифологии великан, охранявший источник мудрости; Один пожертвовал одним глазом, чтобы оживить голову Мимира и получить возможность советоваться с нею. Силен у греков считался воспитателем Диониса (как Мимир для Одина). – *Примеч. пер.*

для Германии³¹. Эти немцы, конечно, не изучали ницшевский текст «Так говорил Заратустра» и, безусловно, не были теми молодыми людьми, которые возродили языческие жертвоприношения овец, ничего не ведая об опыте Ницше³². Поэтому они называли своего бога Вотаном, а не Дионисом. В биографии Ницше найдутся неопровержимые доказательства того, что изначально он подразумевал под богом на самом деле Вотана, однако, будучи филологом и живя в семидесятых – восьмидесятых годах девятнадцатого столетия, называл его Дионисом. Если смотреть со сравнительной точки зрения, у этих богов и вправду немало общего.

45 В сновидении моего пациента не найти открытого возражения против коллективного чувства, массовой религии или язычества, за исключением реплики приятеля-протестанта, который, впрочем, быстро умолк. Наше внимание при этом привлекает любопытное обстоятельство, когда некая незнакомая женщина первоначально поддерживает славословие католицизму, а затем внезапно ударяется

³¹ «О значении бессознательного». – *Примеч. ред. оригинального издания.* (На русском языке выходила под названием «Роль бессознательного». – *Примеч. ред.*)

³² См. мою статью «Вотан», а вотановские параллели у Ницше также обнаруживаются в стихотворении «Неведомому божеству» (1863–1864), в «Так говорил Заратустра» и в вотановском по духу сновидении 1859 года (см.: *Foerster-Nietzsche, Der werdende Nietzsche*, с. 84 и далее). – *Примеч. авт.* Под стихотворением имеется в виду «песнь» Заратустры из четвертой части «Так говорил Заратустра», обращенная к «безжалостному охотнику, неведомому богу» (см. раздел «Чародей»). – *Примеч. ред.*

в слезы, говорит: «Тут ничего не осталось!» – и безвозвратно исчезает.

46 Кто эта женщина? Для сновидца это расплывчатая и неведомая личность, но, когда сон ему снился, он уже был хорошо с нею знаком – как с «неведомой дамой», которая часто появлялась в предшествующих сновидениях.

47 Поскольку эта фигура играет важную роль в мужских сновидениях, у нее имеется техническое обозначение – «Анима»³³, отсылающее к тому факту, что с незапамятных времен человек в мифах неизменно выражал идею о со-
существовании мужского и женского в одном теле. Психологические интуиции такого рода обычно проецировались в форме божественной сизигии (двоичности) или в представлении о гермафродитической сущности творца³⁴. Эдуард Мэйтленд, биограф Анны Кингсфорд, делится в наши дни внутренним опытом постижения бисексуальной природы божества³⁵. Также вспомним герметическую филосо-

³³ См.: мои «Очерки по аналитической психологии», работу «Психологические типы» (48–49), а также статьи «Архетипы коллективного бессознательного» и «Об архетипах». – *Примеч. авт.*

³⁴ См. мою статью «Об архетипах». – *Примеч. авт.* Сизигия – определение гностической философии, обозначающее сочетание пары противоположностей в плероме (полноте). – *Примеч. пер.*

³⁵ См.: Maitland, Anna Kingsford. Her Life, Letters, Diary and Work, с. 129 и далее. – *Примеч. авт.* А. Кингсфорд – одна из первых женщин Англии, получивших ученую степень по медицине, прославилась борьбой против опытов над животными – и участием в теософском движении. – *Примеч. пер.*

фию с ее внутренним человеком³⁶ – гермафродитом и ан-

³⁶ О гермафродитизме божества в первой книге *Corpus Hermeticum* (см. рус. пер.: Гермес Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада. М.: Новый Акрополь, 2012. – *Ред.*) говорится: «Ведь первый разум был двуполом» (ὁ δὲ νοῦς ὁ πρῶτος ἀρρενόθηλος ὢν); возможно, это заимствование из платоновского «Пира» (XIV: «Прежде всего, люди были трех полов, а не двух, как ныне, – мужского и женского, ибо существовал еще третий пол, который соединял в себе признаки этих обоих; сам он исчез, и от него сохранилось только имя, ставшее бранным, – андрогины, и из него видно, что они сочетали в себе вид и наименование обоих полов – мужского и женского. Тогда у каждого человека тело было округлое, спина не отличалась от груди, рук было четыре, ног столько же, сколько рук, и у каждого на круглой шее два лица, совершенно одинаковых; голова же у двух этих лиц, глядевших в противоположные стороны, была общая, ушей имелось две пары, срамных частей две, а прочее можно представить себе по всему, что уже сказано» – *Ред.*). Остается спорным, взято ли позднее средневековое представление о гермафродите из «Поймандра» (трактат оккультного содержания, приписываемый Гермесу Трисмегисту. – *Ред.*), поскольку фигура гермафродита была фактически неизвестна Западу до публикации этого трактата Марсилио Фичино (итальянский философ, астролог, один из ведущих мыслителей Раннего Возрождения. – *Ред.*) в 1471 г. Впрочем, не исключено, что один из немногих ученых той поры, знавших древнегреческий язык, извлек это представление из какого-либо свода греческих текстов – например, из *Codex Laurentianus* (71), *Codex Parisinus Graecus* (1220) или *Codices Vaticanus Graecus* (237 и 951), все датируются четырнадцатым столетием. Более ранних сводов не сохранилось. Первый перевод на латынь, выполненный Марсилио Фичино, вызвал в обществе изрядную суматоху. Однако ранее этого периода фигуру гермафродита мы встречаем в *Codex Germanicus Monacensis* (598) от 1417 г. Мне кажется вполне возможным, что гермафродитический символ почерпнут из арабских или сирийских манускриптов, переведенных в одиннадцатом – двенадцатом столетиях. В древнем латинском *Tractatulus Avicennae*, на который оказала очевидное воздействие арабская традиция, мы находим следующее: ««Эликсир» есть сластолюбивый змей, оплодотворяющий сам себя» (*Elixir ipsum est serpens luxurians, se ipsum impregnans; Artis auriferae, I, 1593*). Автором этого трактата был Псевдо-Авиценна (европейский астролог, «прикрывавшийся» именем Ави-

дрогином, *homo Adamicus* (человеком адамическим), который, «представая в мужской форме, всегда носит в себе Еву, т. е. жену свою, скрытую в его теле», как говорится в средневековой комментарии к «Герметическому золотому трактату» (*Hermetis Tractatus Aureus*)³⁷.

ценны. – Ред.), а не подлинный ибн Сина (970–1037), однако он признается одним из арабско-латинских предшественников средневековой герметической литературы. Тот же текст встречается в трактате Rosinus ad Sarratantam (*Artis auriferae*, I): «Et ipsum est serpens seipsum luxurians, seipsum impraegnans». Название Rosinus – арабо-латинское искажение имени «Зосима»; так звали греческого философа-неоплатоника XIII столетия. Его трактат ad Sarratantam относится к литературе того же разряда, а поскольку история происхождения этих текстов до сих пор покрыта мраком, никто не может сказать наверняка, кто у кого заимствовал. Трактат *Turba philosophorum* (LXV), латинский текст арабского происхождения, делает схожее утверждение: «Составное порождает себя» (*compositum germinat se ipsum*; см. *Ruska*, *Turba philosophorum*). Насколько я могу судить, первым текстом, где гермафродит упоминается прямо и недвусмысленно, была «Книга химического искусства» (*Liber de arte chymica*, XVI столетие). На стр. 610 (см. *Artis auriferae*, I) говорится: «Ибо тот Меркурий есть всякий металл, мужской и женский, и двуполое чудовище даже в браке души и тела» (*is vero mercurius est omnia metalla, masculus et foemina, et monstrum Hermaphroditum in ipso anima et corporis matrimonio*). Из поздних сочинений выделяю только алхимика Иеронима Ройснера с его «Пандорой» (1588), трактат *Splendor Solis* в *Aureum vellus* (1598), тексты Михаэля Майера *Symbola aureae mensae duodecim nationum* (1617) и *Atalanta fugiens* (1618), а также *Philosophia reformata* (1622) Й. Д. Милиуса. – Примеч. авт.

³⁷ Это трактат арабского происхождения, он не входит в состав «Герметического свода», а об его истории известно только, что первая публикация была в *Ars chemica* в 1566 г. Алхимик Доменик Гносий написал комментарий к этому трактату в своем сочинении *Hermetis Trismegisti Tractatus vere Aureus de Lapide philosophici secreto* (1610). На стр. 101 читаем: «Как тень непрерывно и неотступно следует за телом того, кто шагает под солнцем... так и наш адамический гермафродит, являясь в мужской форме, неизменно содержит в себе Еву,

48 Предположительно, Анима есть психическое представление меньшинства женских генов в мужском теле. Это тем более вероятно, что она вовсе не встречается среди образов женского бессознательного. Зато имеется фигура, играющая равнозначную роль, но это не женский, а мужской образ. Этот мужской образ в психологии женщины получил название «Анимус»³⁸. Типичнейшим проявлением обеих фигур выступает явление, издавна известное как «враждебность» (*animosität*). Анима обуславливает аналогичное поведение и настроение, тогда как Анимус порождает раздражающие банальности и неразумные суждения. Обе фигуры часто встречаются в сновидениях. Как правило, они олицетворяют бессознательное и придают ему специфически неприятный и вызывающий раздражение характер, которого бессознательное само по себе лишено. Эти отрицательные качества появляются только в указанных фигурах, когда те начинают воздействовать на сознание. Будучи лишь частичными личностями, они воплощают низших женщину и мужчину – отсюда и раздражающее их воздействие. Мужчина под этим воздействием становится подвержен внезапным переменам

свою женскую часть, скрытую в его теле» (*Quem admodum in sole ambulantis corpus continuo sequitur umbra... sic hermaphroditus noster Adamicus, quamvis in forma masculi appareat, semper tamen in corpore occultatam Evam sive foeminam suam secum circumfert*). Комментарий и текст см. в: *Mangetus*, *Bibliotheca chemica curiosa*, 1702. – *Примеч. авт.*

³⁸ См. описания обеих фигур в «Очерках по аналитической психологии» и в моей работе «Психологические типы». См. также: Emma Jung, *Ein Betrag zum Problem des Animus*. – *Примеч. авт.*

настроения, а женщина ввязывается в споры и высказывает совершенно неуместные мнения³⁹.

49 Негативная реакция Анимы в сновидении о церкви указывает на то, что женское начало сновидца, его бессознательное, расходится с сознательной установкой. Несогласие начинается с текста на стене: «Не льсти благодетелю своему», ведь сновидец этот текст одобряет. Смысл текста кажется достаточно здравым, поэтому возникает недоумение по поводу отчаяния незнакомой женщины. Не углубляясь более в эти загадки, удовлетворимся на время тем фактом, что налицо противоречие в сновидении и что очень важное меньшинство покидает нас с явным протестом и не обращает более внимания на происходящее.

50 Из сновидения мы можем сделать вывод, что бессознательное функционирование ума сновидца достигает довольно-таки грубого компромисса между католицизмом и языческой *joie de vivre*⁴⁰. Плод бессознательного не выражает явно какой-либо точки зрения или окончательного мнения. Это, скорее, драматическое представление акта размышления. Можно было бы, пожалуй, высказать его следующим образом: «Что там такое со всей этой религией? Ты ведь католик, не так ли? Разве тебе этого недостаточно? Какой еще

³⁹ Анима и Анимус встречаются не только в негативной форме. Порой они могут служить источником вдохновения, выступать вестниками (ἄγγελοι) или мистагогами. – *Примеч. авт.* Мистагоги – наставники участников (мистов) в древнегреческих мистериях. – *Примеч. пер.*

⁴⁰ Радостью жизни (фр.). – *Примеч. ред.*

аскетизм? Конечно, даже церковь должна немного приспособливаться – кино, радио, душевные беседы за чаем и так далее; почему бы не отведать церковного вина и не повеселиться?» Но по какой-то неизвестной причине эта загадочная женщина-помеха, хорошо известная по многим прежним снам, кажется глубоко разочарованной и уходит.

51 Должен признаться, что я симпатизирую в данном случае Аниме. Компромисс тут явно поверхностный и, если угодно, дешевый, он характерен для сновидца и для многих других людей, не слишком приверженных религии. Моего пациента религия несколько не заботит, он вовсе не ожидал, что вопросы веры вдруг станут его касаться. Ко мне его привела серьезная душевная драма. Будучи интеллектуалом и человеком в высшей степени рациональным, он внезапно осознал, что эта установка ума и его философия жизни полностью бесполезны перед лицом невроза и деморализующих сил. Во всем своем мировоззрении он не сумел найти ничего, что помогло бы ему вновь овладеть собой в достаточной степени. Он оказался, по сути, в ситуации человека, которого покинули лелеемые доселе убеждения и идеалы. Ничуть не удивительно, что в таком состоянии люди нередко возвращаются к религии своего детства в надежде обрести хоть какую-то помощь. Впрочем, со стороны пациента не было сознательной попытки или решения оживить прежние религиозные верования. Они ему просто снились, то есть его бессознательное воспроизводило некие своеобраз-

разные суждения о религии. Словно дух и плоть, вечные враги в христианском сознании, примирились друг с другом и отыскивали любопытный способ смягчить взаимные противоречия. Духовное и мирское неожиданно составили единство, которое имело отчасти гротескный и даже комичный характер. Неумолимая суровость духа как будто ослабела под воздействием почти античного в своем облике веселья с вином и розами, как на пирах философов. Сновидение отражало духовную и одновременно мирскую обстановку, в которой острота морального конфликта притупилась, а душевные боль и расстройство были преданы забвению.

52 Если усматривать здесь исполнение желания, то следует говорить об осознанном действии, поскольку именно там пациент зашел слишком далеко. Он сам это понимал, ведь вино было одним из злейших его врагов. Сновидение, с другой стороны, стало безучастным отражением, представило картину выродившейся религии, испорченной мирскими страстями и влечениями толпы. Место нуминозности божественного опыта заняла религиозная сентиментальность, хорошо известная характеристика религии, утратившей свою жизненную загадочность. Легко понять, что такая религия неспособна помочь или возыметь какой-либо другой моральный эффект.

53 В целом сновидение, безусловно, было неблагоприятным для пациента, хотя частично в нем смутно просматривались и другие стороны, более позитивные по своей при-

роде. Редко бывает так, чтобы сновидения оказывались исключительно позитивными или негативными. Как правило, в них присутствуют обе стороны, но одна обычно преобладает над другой. Понятно, что такого рода сон обеспечивает психолога достаточным количеством материала для постановки вопроса о религиозной установке. Будь в нашем распоряжении только этот сон, то глубинное его значение мы едва ли могли бы раскрыть; по счастью, у нас имеется целая последовательность сновидений, указывающих на особое место религиозности. Лично я никогда, если не препятствуют обстоятельства, не берусь толковать единичные сны, ибо знаю, что обыкновенно сновидения составляют последовательности. При наличии непрерывности в нашей сознательной жизни – и вопреки тому факту, что ее регулярно прерывает сон – возможна, как видится, и непрерывность бессознательных процессов, причем более устойчивая даже, чем сознательная. Во всяком случае, мой опыт подсказывает, что сновидения суть «мостики» к цепи бессознательных событий. Желая пролить свет на глубинные основания данного сновидения, мы должны вернуться к последовательности снов и установить точное положение этого сна в серии из четырехсот сновидений.

54 Тогда мы обнаружим, что этот сон вклинивается между двумя другими сновидениями, имеющими печальный (*unheimlichen*) характер. Предшествующий сон рассказывает о собрании множества людей на какой-то церемонии яв-

но магического свойства – ее цель состояла в «воссоздании гиббона». Последующий же сон связан со сходной темой – с магическим преобразованием животных в человеческих существ⁴¹.

55 Оба сна крайне неприятны и чрезвычайно беспокоили пациента. В сновидении, где присутствует церковь, все как бы протекает на поверхности и отражает мнения, которые при иных обстоятельствах могли быть выражены сознательно, но эти два сна смущают и кажутся чуждыми, а эмоциональное их воздействие таково, что сновидец по возможности хотел бы ничего подобного не видеть. Строго говоря, смысл второго сновидения вполне ясен: «Если убежишь, то все пропало». Это замечание любопытным образом совпадает со словами неведомой женщины: «Тут ничего не осталось». Мы можем из сказанного выше предположить, что сон с церковью был попыткой бегства от других сновидений, наделенных куда более глубоким значением. Эти значения являлись в снах накануне сновидения с церковью и после него.

2.

Догматы и естественные символы

56 Первое из наших сновидений – то, которое предшествовало сну о церкви, – повествует о церемонии воссо-

⁴¹ См.: «Психология и алхимия», абз. 164 и далее, 183 и далее. – *Примеч. ред. оригинального издания.*

здания обезьяны. Разъяснить это описание внятно попросту невозможно без обилия подробностей, и потому я вынужден ограничиться следующим замечанием: «обезьяна» в данном случае означает инстинктивную личность сновидца⁴², прежде полностью игнорируемую в пользу сугубо интеллектуальной установки сознания. В результате инстинкты и влечения берут верх и периодически нападают на сновидца, проявляясь в форме неконтролируемых эмоциональных вспышек. «Воссоздание обезьяны» подразумевает перестройку инстинктивной личности в рамках иерархии сознания. Такое воссоздание становится возможным только при существенных изменениях установки сознания. Наш пациент, вполне естественно, опасался своих бессознательных склонностей, поскольку до сих пор те обнаруживали себя в самом неблагоприятном виде. Следующий сон – с церковью – был попыткой найти убежище от этого страха и укрыться за религией. Третий сон, картина «преображения животных в людей», очевидным образом развивал содержание первого: ведь обезьяну воссоздавали с единственной целью – превратить ее далее в человеческое существо. Иными словами, пациенту пришлось претерпеть важные изменения, собрать воедино заново прежде расколотую инстинктивность, чтобы сделаться новым человеком. Современный разум начисто позабыл древние истины – будь то неизбежное

⁴² См.: «Психология и алхимия», абз. 175. – *Примеч. ред. оригинального издания.*

старение и творение нового, духовное возрождение или прочие тому подобные старомодные «мистические нелепицы». Мой пациент, человек передовых взглядов, не раз испытывал панику, отчетливо сознавая, какую власть над ним обрели такие мысли. Он опасался сойти с ума, хотя две тысячи лет назад всякий приветствовал бы эти сновидения в радостной надежде на магическое возрождение и обновление жизни. Увы, современная установка побуждает взирать на прошлое свысока, видеть в нем только тьму предрассудков и скопище средневекового и первобытного легковерия; мы забыли, что храним живое прошлое, выражаясь образно, на нижних этажах в небоскребе рационального сознания. Без этих нижних этажей наш разум повис бы в воздухе. Неудивительно поэтому, что он беспокоится. Подлинная история человеческого сознания отражается вовсе не в ученых книгах – она хранится в текущей психической организации каждого индивидуума.

57 Впрочем, я должен признать, что идея обновления принимает облики, которые легко способны шокировать современный разум. Действительно, нам трудно, если вообще возможно, соединить образ «возрождения», как мы его понимаем, с картинами, предстающими в сновидениях. Но прежде, чем обратиться к намекам на это странное и неожиданное преобразование, следует уделить внимание другому вполне и явно религиозному сновидению, на которое я мимоходом ссылался ранее.

58 Если сон с церковью возникает сравнительно рано в последовательности сновидений, то следующий принадлежит к позднейшим стадиям этой последовательности⁴³. Вот его дословная запись.

Я подхожу к странному и торжественному зданию – «Дому собраний». В глубине горит множество свечей, расставленных так, что складывается диковинный узор из четырех стрел, устремленных вверх. Снаружи, у дверей дома, стоит какой-то старик. Люди заходят внутрь, не произнося ни слова, и замирают, как бы набираясь мужества. Старец у двери говорит о посетителях дома: «Когда выйдут, они уже очистятся». Я сам вхожу в дом и понимаю, что превосходно могу сосредоточиться. Слышится чей-то голос: «Твои деяния опасны. Религия – не налог, заплатив который ты можешь избавиться от женского образа, ибо от него избавиться невозможно. Горе тем, кто употребляет религию вместо другой стороны душевной жизни; они ошибаются и будут прокляты. Религия – не замена, ее надлежит добавить к другим активностям души как последнее звено ради окончательной завершенности. Из полноты жизни вынесешь ты свою религию и лишь тогда будешь благословлен!» Пока раскатисто звучит последняя фраза, я различаю отдаленную музыку, простые аккорды органа. Что-то напо-

⁴³ См.: «Психология и алхимия», абз. 293. – Примеч. ред. оригинального издания.

минает мне вагнеровское «Заклинание огня»⁴⁴. Покидая дом, я вижу пламенеющую гору и чувствую: «Огонь неуголимый есть святой огонь»⁴⁵.

59 Сновидение произвело на пациента глубочайшее впечатление. Для него это был важный и крайне содержательный опыт из разряда тех, что влекут за собой полную перемену в отношениях с жизнью и с человечеством как таковым.

60 Нетрудно усмотреть в этом сновидении параллели со сном о церкви. Правда, на сей раз храм превращается в обитель торжественности и сосредоточенности. Нет никаких указаний на литургию или иные известные атрибуты католической церкви – единственным исключением служат горящие свечи, расположенные в символической форме (последняя заимствована, думается, из католического куль-та⁴⁶). Эти свечи составляют четыре пирамиды или стрелы, которые, по-видимому, предрекают заключительную картину пламенеющей горы. Отмечу, что число четыре регуляр-

⁴⁴ Фрагмент оперы «Валькирия» из тетралогии «Кольцо Нибелунга». – *Примеч. пер.*

⁴⁵ Шоу Б. Святая Иоанна / Перевод О. Холмской и Н. Рахмановой. – *Примеч. ред.*

⁴⁶ Епископу разрешено зажечь четыре свечи на приватной службе. В некоторых особо торжественных случаях, например на Missa cantata, тоже зажигают четыре свечи, а на других, еще более возвышенных, – уже шесть или семь. – *Примеч. авт.* Missa cantata – «напевная месса», разновидность так называемой тридентской (или традиционной) католической мессы, принятая с 1960 г.; проводится без участия низших священнослужителей. – *Примеч. пер.*

но встречается в снах пациента и играет очень важную роль. Священный огонь, по признанию самого пациента, связан со «Святой Иоанной» Бернарда Шоу. С другой стороны, неугасимое пламя – широко известный атрибут Божества, не только в Ветхом Завете, но и как *allegoria Christi* (аллегория Христова) в неканонической логии⁴⁷, упоминаемой в «Гомилиях» Оригена: «Сам Спаситель речет: кто поблизости от меня, тот подле огня; кто далек от меня, тому не узреть царства небесного» (*Ait ipse salvator: qui iuxta me est, iuxta ignem est, qui longe est a me, longe est a regno*)⁴⁸. Со времен Гераклита жизнь мыслилась как вечно живой огонь; Христос же называл себя жизнью, и с учетом этого упомянутое неканоническое высказывание становится понятным. Толкование огня как «жизни» вполне укладывается в содержание сновидения, где подчеркивается «полнота жизни» как единственный легитимный источник религии. Четыре огненные стрелы тут почти превращаются в образ, в икону, обозначающую присутствие Божества (или равнозначной Ему идеи). В вероучении гностиков-варвелиотов четыре огня окружают Аутогена (Саморожденного, Несотворенного)⁴⁹. Эта стран-

⁴⁷ Логиями принято называть сборники «речений» Иисуса Христа, бытовавшие в устной и письменной форме еще до составления Евангелий. – *Примеч. пер.*

⁴⁸ См.: *Origenes*, in *Jeremiam homilia*. XX, 3 / *IMigne*, PL XIII, col. 532. – *Примеч. авт.*

⁴⁹ См.: *Ириней*, «Против ересей», I, 29. – *Примеч. авт.* ВарVELO (Барбело) у гностиков – одна из высших женских эманаций божества, мать всего сущего. Об этой секте и ее культе подробно рассказывал Ириней Лионский в своем сочинении

ная фигура соответствует, быть может, Моногену (Едино-рожденному) коптского гностицизма, если вспомнить *Codex Brucianus*, где Моноген тоже описывается через четвертичность.

61 Как я отмечал ранее, число четыре играет в этих сновидениях важную роль, неизменно отсылая к идее, родственной пифагорейскому *Tetraktys* (четверному состоянию)⁵⁰.

62 *Quaternarium*, или четвертичность, имеет длинную историю. Она появляется не только в христианской иконологии или в мистических видениях⁵¹, но также занимает особое

«Против ересей». – *Примеч. пер.*

⁵⁰ См. Zeller, *Die Philosophie der Griechen*, где собраны все источники по этой теме («Четверка есть исток и первопричина всего сущего»). Платон выводил из этого числа человеческое естество. Согласно неоплатоникам, сам Пифагор именовал четверкой вечную душу (там же. – *Примеч. авт.*

⁵¹ Четверка в христианской иконологии предстает преимущественно в образе четырех евангелистов, которые, заодно с их символами, объединяются в розу, круг или *melothesia* (мелотесию, сочетание элементов человеческого тела с небесными явлениями; термин из медицинской астрологии. – *Ред.*), либо представляются как тетраморф – см., например, *Hortus deliciarum* мистика Геррада фон Ландсперга и иные труды по мистицизму. Из последних отмечу следующие: 1) *Jacob Boehme*, *Viertzig Fragen von der Seelen Urstand*; 2) *Hildegard von Bingen*, *Codex Luccensis*, fol. 372 и *Codex Heidelbergensis*, «*Scivias*», представления о мистическом универсуме; см. также *Singer*, *Studies in the History and Method of Sciences*; 3) замечательные рисунки мистика Опицина де Канистриса в *Codex Palatinus Latinus*; см. *Salomon*, *Opicinus de Canistris*, *Weltbild und Bekenntnisse eines avignonesischen Clerikers des 14 Jahrhunderts*; 4) Генрих Кунрат (немецкий врач, философ и алхимик, практиковавший христианизированную «естественную» магию. – *Ред.*), *Von hylealischen usw.*: «*monas catholica*» (всеобщая единица) проистекает из вращения *quaternarium*, это есть образ и аллегория Христа; дополнительно см. *Khunrath*, *Amphltheatnim Sapientiae Aeternae*; 5) спеку-

место в философии гностиков⁵², далее этот образ пользовался почитанием на протяжении всех Средних веков и вплоть до восемнадцатого столетия⁵³.

ляции о кресте Распятия («рассказывают, что крест был сделан из четырех пород дерева»), *Bernardus*, *Vitis Mystica*; см. *Migne*, PL CLXXXIV, также *Meyer*, *Die Geschichte des Kreuzholzes vor Christus*. Относительно четвертичности см. еще *Dunbar*, *Symbolism in Medieval Thought and Its Consummation In the Divine Comedy*. – *Примеч. авт.*

⁵² Ср. воззрения Исидора, Валентина, Марка и Секунда. Наиболее примечателен здесь символизм Моногена из *Codex Brucianus* (Bodleian Library, Oxford, MS. Bruce, 96; Baynes, *A Coptic Gnostic Treatise*). – *Примеч. авт.* Исидор Севильский – один из отцов церкви, священнослужитель, писатель, основоположник средневекового энциклопедизма, составил полный для своего времени свод позднеантичного знания в христианском рассмотрении. Валентин – античный философ-гностик, предполагаемый автор «Евангелия истины»; проповедовал, в частности, что в плероме пары противоположностей сочетаются в различные комбинации, в том числе в четверку. Марк – гностик, основатель еретической секты маркосеев; его еретические воззрения описывали Ириней и Августин. Секунд – имеется в виду Гай Плиний Цецилий Секунд (Плиний Младший), который в бытность губернатором Понта написал римскому императору Траяну послание с подробным описанием воззрений ранних христиан в его владениях. – *Примеч. пер.*

⁵³ Тут я подразумеваю мистические спекуляции о четырех «корнях» (ρίζώματα) Эмпедокла, то есть четырех элементах или качествах (влажность, сухость, тепло, холод), которые столь важны для герметической и алхимической философии. См. описание в: *Petrus Bonus*, *Pretiosa margarita novella*, 1546. Четвертичность кладет в основу своей «*artis metallicaе schema*» (схемы металлического ремесла) алхимик Иоанн Пантеус (см. его *Ars Transmutationis metallicaе*, 1519; философ Раймунд Луллий говорит о *quaternatio elementorum* (четыре элемента) и химических процессах (*Theatrum Chemicum*, 1613); символы четырех элементов находим у: *Maier*, *Scrutinium Chymicum*, 1687. Последний автор составил также любопытный трактат *De Circulo Physico* («О круге физическом», 1616). Сходная символика обнаруживается у Милиуса в его *Philosophia*

63 В обсуждаемом сновидении четвертичность выступает как важнейшая составляющая религиозного культа, порожденного бессознательным⁵⁴. Сновидец входит в «дом собраний» в одиночестве, а не с приятелем, как было в сновидении с церковью. Внутри он встречает старика, который уже являлся ему в более раннем сне, – как мудрец, указавший конкретное место, которому сновидец принадлежит. Старик разъясняет сущность культа как очистительного ритуала. Однако из текста сновидения не вполне понятно, о каком именно очищении идет речь и от чего нужно очиститься. Единственным фактическим ритуалом оказывается сосредоточение – по сути, медитация, ведущая к экстастическому явлению голоса «свыше». В этой последовательности сновидений такие голоса слышатся часто. Они всегда изрекают некие неоспоримые суждения или повеления, то поразительно здравомыслящие, то глубоко философские по смыслу. Обычно это заключительные суждения, слыши-

Reformata, 1622. Образы герметического искупления – тетрада с евангелическими символами (см. «Пандору» Ройснера и Codex Germanicus Monacensis) – воспроизведены в моей работе «Психология и алхимия», рис. 231–232; о символизме четвертичности см. абз. 327 и далее. Дополнительный материал: *Kuekelhaus, Urzahl und Gebilde*, 1934. Восточные параллели: *Zimmer, Kunstform und Joga im Indischen Kultbild*, 1926; *Wilhelm und Jung, Das Geheimnis der Goldenen Blüte*. Сюда же относится и литература о символике креста. – *Примеч. авт.*

⁵⁴ Это утверждение может показаться чрезмерно смелым и даже предосудительным: неужто я позабыл, что здесь мы рассматриваем единичный и уникальный сон, из которого нельзя делать далеко идущих выводов? Однако мои рассуждения опираются на обилие свидетельств, проанализированных в других моих работах. – *Примеч. авт.*

мые под конец сна и, как правило, они настолько ясны и убедительны, что сновидец не находит против них никаких возражений. Эти суждения, можно сказать, носят характер истины, не подлежащей обсуждению, и потому их зачастую надлежит толковать как окончательный и убедительнейший вывод из долгого бессознательного размышления, которое охватывает множество доводов. Нередко голос принадлежит какой-то властной фигуре – военачальнику, капитану корабля, старому врачу и т. д. Порой, как в данном случае, слышится всего один голос, идущий как бы ниоткуда. Любопытно проследить, как этот интеллеktуал и скептик воспринимает голос «свыше»: зачастую услышанные суждения ему были не по нраву, но все же он принимал их, не споря и даже со смирением. То есть голос, если отталкиваться от нескольких сотен подробно и тщательно записанных сновидений, выступал важным и даже определяющим представителем бессознательного. Поскольку этот пациент ни в коем случае не единственный среди тех, за кем я наблюдал и кому слышался голос в сновидениях (и в других специфических состояниях), обстоятельства вынуждают меня признать, что бессознательное временами способно проявлять разумность и целесообразность, намного превосходящие эти качества в сознательном уме. Не вызывает сомнений наличие основного религиозного феномена, который мы встречаем у человека, чья сознательная психическая установка очевидно обращена на явления, крайне далекие от так называемых рели-

гиозных. Схожие наблюдения мне доводилось делать во множестве других случаев, а потому я должен признать, что указанные факты надлежит толковать именно так, а не иначе. Часто приходится сталкиваться с возражением, что мысли, которые провозглашает этот голос, суть мысли самого индивидуума. Возможно, это и так, но собственной мыслью я называю только ту, которую сам помыслил (своими деньгами, кстати, я назову лишь те, которые сам заработал или получил их сознательно и законным путем). Если некто подарит мне деньги, вряд ли я скажу этому благодетелю: «Благодарю вас за мои деньги», хотя позже смогу уже заявить, что это мои деньги. Точно так же обстоит дело с голосом. Он дает мне какое-то содержание, в точности так, как друг делится своими соображениями. Было бы непорядочно и недостоверно считать, будто сказанное им – мои собственные мысли.

64 Вот причина, по которой я провожу различие между тем, что было произведено или приобретено мною благодаря собственным сознательным усилиям, и тем, что явно и безоговорочно порождается бессознательным. Кто-то может возразить, что так называемый бессознательный ум есть все же мой собственный, а потому подобное различие излишне. Но я не могу сказать с уверенностью, что бессознательный ум – это мой ум, ибо само понятие «бессознательное» предполагает, что я не осознаю его наличия. Вообще понятие «бессознательного» есть не более чем удобное до-

пущение⁵⁵. На деле же я совершенно не сознаю – иначе говоря, совсем не знаю, – откуда доносится этот голос. Я не только не могу воспроизвести это явление по своей воле, но и не в силах предугадать содержание сказанного. Посему будет самонадеянно считать фактор, порождающий этот голос, творением моего бессознательного или моего ума. Тот факт, что голос воспринимается нами в нашем сновидении, ничего не доказывает, поскольку мы также можем услышать уличный шум, который ни при каких условиях не захотим назвать своим.

65 Лишь в одном-единственном случае голос на законных основаниях можно назвать своим собственным – когда воспринимаешь свою сознательную личность частью целого, таким меньшим кругом внутри большего. Мелкий банковский клерк, водя приятеля по городу, показывает ему здание банка со словами: «А вот мой банк», – он пользуется той же привилегией.

66 Можно предположить, что человеческая личность состоит из двух частей: во-первых, это сознание и все то, что оно охватывает; во-вторых, это бесконечно обширный хинтерленд бессознательной психики⁵⁶. Что касается первой ча-

⁵⁵ Об определении бессознательного см. мою работу «Психологические типы», раздел «Определения». – *Примеч. авт.*

⁵⁶ Здесь автор использует популярную в его время геополитическую терминологию. Согласно Х. Маккиндеру, к хартленду («средоточию силы») примыкает хинтерленд – периферия под его влиянием. Подробнее см.: *Маккиндер Х. Географическая ось истории*. М.: АСТ, 2021. – *Примеч. пер.*

сти, ее возможно более или менее четко определить и очертить, но когда мы говорим о цельной человеческой личности, необходимо признать ее неподверженность полному описанию или определению. Иными словами, обязательно найдется некая беспредельная и не поддающаяся определению часть каждой личности, поскольку личность включает в себя сознательную и наблюдаемую часть, однако не включает ряд факторов, существование которых мы вынуждены при этом предполагать, чтобы давать разумное объяснение наблюдаемым случаям. Эти-то неизвестные факторы и образуют то, что мы называем бессознательной частью личности.

67 О содержании этих факторов у нас нет ни малейшего представления, потому что для наблюдения доступны только последствия их воздействия. Мы можем предполагать, что им свойственна психическая природа, сопоставимая с природой содержаний сознания, но полной уверенности здесь быть не может. А едва мы воображаем такое сходство, уже трудно удержаться от следующего шага в развитии идеи. Раз содержания психического осознаваемы и воспринимаются лишь при ассоциации с эго, значит, явление голоса «свыше», наделенного выраженным личностным характером, также может быть обусловлено неким центром – таким, который не тождественен нашему сознательному эго. Подобные рассуждения допустимы, если признать эго подчиненным – или включенным – в сверхсамость, то есть в центр обобщенной, беспредельной и неопределимой психической

личности⁵⁷.

68 Я не стремлюсь использовать философские доводы, развлекающие публику своей сложностью и непонятностью. Кому-то мои доказательства могут показаться чрезмерно глубокомысленными, зато они, по крайней мере, представляют собой честную попытку осмыслить наблюдаемые факты. Проще говоря, можно сказать следующее: поскольку мы не обладаем всеведением, практически любой опыт, факт или объект содержит в себе нечто неизвестное. Посему, если рассуждать о всеобщности опыта, само слово «всеобщность» может применяться лишь к сознательной части этого опыта. А так как мы не в состоянии допустить, что наш опыт охватывает всю цельность объекта, то очевидно, что абсолютная всеобщность должна по необходимости включать в себя и ту часть, которая не подверглась переживанию и осознанию. Сказанное верно, как я уже отмечал, относительно всякого опыта, в том числе психического, где абсолютная всеобщность охватывает больше пространства, нежели только сознание. Иными словами, психика не является исключением из общего правила, по которому мироздание познаваемо ровно в той степени, в какой это позволяет наша психическая организация.

69 Мои психологические исследования вновь и вновь по-

⁵⁷ См. мою работу «Отношения между эго и бессознательным», абз. 374 и далее, а также «Психологические типы» (раздел «Определения») и «Эон». – *Примеч. авт.*

казывают, что определенные содержания психического исходят от чего-то, более глубинного и полного, чем сознание. Это нечто нередко обладает «высшими» прозрениями и знаниями, нередко производит анализ более высокого порядка, чем под силу выполнить сознанию. У нас имеется для таких явлений подходящее слово – интуиция. Употребляя это слово, большинство людей испытывают приятное ощущение, как будто они сумели что-то себе объяснить. При этом упускается из вида тот факт, что нельзя осуществлять интуицию; наоборот, она всегда приходит к человеку, которого посещают предчувствия. Интуиция случается сама по себе, а человек просто ее улавливает, если он достаточно сметлив и ловок.

70 Потому-то голос «свыше» во сне со священным домом я объясняю как творение более цельной и совершенной личности, частью которой является сознательное «Я» сновидца. Я утверждаю, что именно здесь кроется причина того, что голос выказывает такую проницательность и ясность мысли, превосходящие фактическое сознание сновидца. Это превосходство и есть причина безусловного верховенства, ощущаемого за голосом во сне.

71 Как ни удивительно, в сообщениях голоса содержится своеобразная критика установок сновидца. Во сне с церковью он пытался примирить две стороны жизни посредством некоего грубого компромисса. Как мы знаем, неизвестная женщина, иначе Анима, не согласилась с ним и ушла. В дру-

гом сновидении голос как будто занял место Анимы и не просто воспроизвел ее эмоциональный протест, а властно поведал о двух типах религии. Согласно этим словам, сновидец склонен использовать религию как замещение «образа женщины», если вспомнить изложение сна. Под «женщиной» подразумевается Анима. Это подтверждается следующей фразой, которая отмечает, что религия используется как заменитель «другой стороны душевной жизни». Анима есть та самая «другая сторона», как я уже объяснял; она олицетворяет женское начало, скрытое за порогом сознания, то есть принадлежащее бессознательному. Следовательно, критику можно понять так: «Ты обращаешься к религии, чтобы бежать от собственного бессознательного. Ты используешь ее как замену части своей душевной жизни. Но религия – это плод и обретение полноты жизни, содержащей обе стороны».

72 Скрупулезное сопоставление содержания этого сна с другими сновидениями той же последовательности безошибочно показывает сущность «другой стороны». Пациент все время пытался игнорировать свои эмоциональные потребности, даже опасался, что они могут вовлечь его в неприятности, например побудят жениться и принять на себя всякого рода обязанности – любовь, преданность, доверие, эмоциональную зависимость и вообще покорность душевным порывам. Эти обязанности никак не связаны ни с наукой, ни с академической карьерой; более того, са-

мо понятие «душа» представлялось чем-то вроде интеллектуальной похабщины, которой ни в коем случае не следовало касаться.

73 «Загадка» Анимы заключается в таинственном иносказании, отсылающем к религии. Это изрядно озадачило моего пациента, который знал только, что религия представляет собой некое вероучение, и считал, что она в состоянии заместить собой некоторые эмоциональные потребности того рода, какие возможно реализовать через посещение церкви. Предубеждения нашей эпохи отчетливо отражались в восприятии сновидца. С другой стороны, голос «свыше» своими сообщениями нарушал правила приличия и принятые условности, он явно относился к религии всерьез, ставил ее на самую вершину жизни – такой, которая включала в себя «обе стороны», – и тем самым подвергал сомнению любезные сердцу сновидца интеллектуальные и рационалистические предубеждения. Это была подлинная революция в сознании, и неудивительно, что мой пациент опасался сойти с ума. Должен сказать, что человеку в его положении – если вспомнить типичных интеллектуалов сегодняшнего и вчерашнего дня – вполне можно посочувствовать. По-настоящему принимать во внимание «образ женщины», то есть бессознательное, – это сильный удар по просвещенному здравому смыслу!⁵⁸

⁵⁸ См.: *Claudius Popelin, Le Songe de Poliphile ou Hypnerotomachie de Frere Francesco Colonna*, Paris, 1883. Считается, что текст написан монахом пятнадцатого столетия; это отличный образчик «романа об Аниме». – *Примеч. авт.* (См. также: *Linda Fierz-David, Des Liebestraum des Poliphilo*. – *Примеч. ред. опу-*

74 Я приступил к лечению только после того, как пациент предъявил свои записи о первой последовательности сновидений, охватившей приблизительно триста пятьдесят снов. Тем самым мне открылась полная картина его тревожных переживаний. Неудивительно, что он хотел избавиться от этого опыта. К счастью, пациент имел свою *religio* особого рода: он «старательно принимал во внимание» свой опыт, что помогало ему ценить пережитое и продолжать его воспринимать. Немалым подспорьем оказалось то обстоятельство, что пациент был невротиком, поэтому, стоило ему выказать недоверие опыту или попытаться отвергнуть голос «свыше», как невротическое возбуждение немедленно возвращалось. Он просто не мог «погасить огонь» и был вынужден в итоге признать непостижимо нуминозный характер своего опыта. Ему пришлось смириться с тем, что неугасимый огонь «священен». Это было непременным условием его исцеления.

75 Конечно, кто-то вправе посчитать данный случай исключением из правил – в той мере, в какой все совершенные личности суть исключения. Верно, что подавляющее большинство образованных людей составляют фрагментированные личности, что вместо истинных ценностей они лелеют множество подмен. Такое существование неизбежно чревато неврозом, как для нашего пациента, так и для множества других людей. Религия в обыденном понимании тоже подмена, причем в столь значительной степени, что я просто

вынужден задаваться вопросом – а не выполняет ли такого рода «религия», которую я сам предпочитаю называть вероучением, некую важную функцию в человеческом обществе? Несомненная цель замещения состоит в замене непосредственного опыта неким набором пригодных символов, подкреплённых сводом догматов и ритуалов. Католическая церковь поддерживает этот порядок всем своим непрерываемым авторитетом, протестантская же церковь (если этот термин ещё применим) настаивает на вере в евангельские откровения. Пока эти два принципа работают, люди надёжно отрезаны от непосредственного религиозного опыта⁵⁹. Даже если с ними случается нечто подобное, они чаще всего обращаются к церкви, которая, как считается, должна знать, послан ли опыт Богом или дьяволом, принимать его или отвергать.

76 По роду своей деятельности мне часто доводится встречать людей, которые получали непосредственный опыт и не пожелали (потому что не могли) подчиняться авторитету церковных решений. Вместе с такими людьми мы про-

⁵⁹ Литургические одеяния – это не просто украшение: они также оберегают священнослужителя во время службы. «Страх Божий» – не просто красивая метафора, за нею скрывается подлинное мироощущение. См.: Исх., 20:18 и далее. – *Примеч. авт.* Ср.: «Весь народ видел громы и пламя, и звук трубный, и гору дымящуюся; и увидев то, [весь] народ отступил и стал вдали... И сказали Моисею: говори ты с нами, и мы будем слушать, но чтобы не говорил с нами Бог, дабы нам не умереть. И сказал Моисей народу: не бойтесь; Бог [к вам] пришел, чтобы испытать вас и чтобы страх Его был пред лицом вашим, дабы вы не грешили» (Исх. 20:18–20). – *Примеч. ред.*

ходили через исполненные страсти конфликты, через страх перед безумием, через отчаянную путаницу и депрессии, одновременно гротескные и наводящие ужас, так что я вполне осознаю чрезвычайную значимость догмата и ритуала – по крайней мере, как способов поддержания умственной гигиены. Когда мой пациент оказывается ревностным католиком, я неизменно советую ему исповедаться и причаститься, чтобы защитить себя от непосредственного опыта, который вполне может стать слишком тяжелой ношей. С протестантами обычно много труднее, поскольку догматы и ритуалы среди них настолько ослабели, что в значительной степени утратили свою полезность. Вдобавок исповедь у них, как правило, не совершается, а духовенство разделяет со своей паствой общую нелюбовь к психологическим проблемам – наряду, к несчастью, с общим психологическим невежеством. Католический же «наставник совести» (*geistliche Ratgeber*) зачастую обладает несопоставимо большими психологическими навыками и умениями. Кроме того, протестантские пасторы получают на теологических факультетах научную подготовку, которая, благодаря своему критическому настрою, подрывает наивность веры, тогда как могущественная историческая традиция в подготовке католического священника призвана всемерно укреплять авторитет церковной институции.

77 Будучи врачом, я мог бы, разумеется, поддерживать так называемое научное вероучение и утверждать, что содержа-

ния невроза суть всего-навсего вытесненная детская сексуальность или воля к власти. Посредством такого умаления значимости этих содержаний возможно, в определенной степени, защитить известное число пациентов от риска восприятия непосредственного опыта. Но я знаю, что эта теория истинна лишь частично, что она охватывает только отдельные проявления невротической психики. А я не могу убеждать пациентов в том, во что сам не верю целиком и полностью.

78 Тогда мне могут сказать: «Вы же советуете ревностным католикам ходить к священникам и исповедоваться; выходит, вы внушаете им то, во что сами не верите», – подразумевая, что я принадлежу к протестантам.

79 В ответ на такую критику я должен прежде всего объяснить, что стараюсь, если удастся, вообще обходиться без проповеди моих верований. Конечно, я держусь и буду держаться моих убеждений, но они не выходят за пределы того, что я признаю собственными действительными познаниями. Я верю только в то, что знаю сам. Все остальное гипотетично, а прочее, неподвластное гипотезам, я отношу к обширной области Неведомого. Это прочее несколько меня не заботит – но начнет заботить, если я почувствую, что должен узнать о нем хоть что-нибудь. Поэтому, если пациент убежден в исключительно сексуальном происхождении своего невроза, я не стану опровергать его воззрения, ибо знаю, что подобное убеждение, особенно глубоко укорененное, служит превосходной защитой от приступов

непосредственного опыта с его жуткой двусмысленностью (*Doppelsinn*). Пока эта защита выдерживает, я не намерен ее ломать, поскольку мне известно, что должны существовать некие весомые основания такой узости кругозора пациента. Но если сновидения начнут разрушать его «оборонительную теорию», то мне придется поддерживать более цельную личность, как я и поступил в описываемом случае. Сходным образом и по тем же побуждениям я поддерживаю взгляды ревностного католика – до тех пор, пока они сохраняют его душевное здоровье. Так или иначе, я склонен одобрять защитные меры от серьезных угроз и не задаю академических вопросов об истинности и достоверности такой защиты. Мне довольно того, что она работает, и я этому рад.

80 Что касается пациента, о котором идет речь, то его католическая защита рухнула задолго до того, как я взялся за лечение. Он посмеялся бы надо мной, вздумай я дать совет насчет исповеди или чего-то подобного, – и точно так же посмеялся бы над сексуальной теорией, которая тоже оказалась бы для него бесполезной. Но я всегда давал ему понять, что целиком нахожусь на стороне голоса «свыше», в котором мне виделась часть будущей цельной личности, призванной освободить его от былой односторонности.

81 Для конкретной разновидности интеллектуальной посредственности, которой свойственен просвещенный рационализм, научная теория, упрощающая взгляд на мир, тоже является отличным средством защиты – в силу той по-

трясающей веры, которую современный человек испытывает ко всему, носящему ярлык научности. Такой ярлык мгновенно успокаивает разум, почти как в известной поговорке: «*Roma locuta, causa finita*»⁶⁰. Сама по себе научная теория, сколь бы утонченной она ни была, уступает в значимости, по моему мнению, с психологической точки зрения религиозному догмату – по той простой причине, что она по необходимости в высшей степени абстрактна и чрезвычайно рациональна, тогда как догмат выражает иррациональное целое посредством образности. Тем самым куда точнее передается иррациональный факт наподобие психического. Более того, догмат обязан своим продолжительным существованием и формой, с одной стороны, так называемому «откровению», оно же непосредственный опыт «гнозиса»⁶¹ (богочеловек, распятие, непорочное зачатие, Троица и т. д.), а с другой стороны – бесконечному сотрудничеству многих умов на протяжении многих столетий. Возможно, не совсем понятно, почему я называю некоторые догматы «непосредственным опытом», хотя сам по себе догмат исключает именно непосредственный опыт. Упомянутые мною христианские образы свойственны не только христианству (пусть в христианстве они получили развитие и насытились значе-

⁶⁰ «Рим высказался, дело закончено» (лат.). – *Примеч. ред.*

⁶¹ Гнозис как особую разновидность знания не следует путать с основополагающим понятием гностицизма. – *Примеч. авт.* Имеется в виду, что гнозис как познание не тождествен гнозису как высшему, или сокровенному, духовному знанию. – *Примеч. пер.*

нием в степени, непредставимой для прочих религий). Они столь же часто встречаются в языческих религиях и, кроме того, могут спонтанно появляться вновь и вновь в обилии вариаций как психические явления, подобно тому, как в отдаленном прошлом они проявлялись в видениях, снах и состояниях транса. Такого рода идеи никогда не изобретались. Они обрели существование задолго до того, как человечество научилось мыслить целесообразно и целенаправленно. Мысли пришли к людям до того, как люди научились производить мысли: они не думали, а воспринимали свои умственные функции. Догмат подобен сновидению, он отражает спонтанную и автономную деятельность объективной психики, то есть бессознательного. Такое постижение бессознательного служит куда более надежной защитой от дальнейшего непосредственного опыта, нежели любая научная теория. Ведь теория вынуждена пренебрегать эмоциональной значимостью опыта. Напротив, догмат в этом отношении необычайно красноречив. На место одной научной теории быстро подставляется другая, догмат же неизменен неисчислимые века. Страдающему богочеловеку по крайней мере пять тысяч лет, а Троица, наверное, еще старше.

82 Догмат выражает душу полнее, чем научная теория, ведь последняя отражает и формулирует только осознанные содержания. Более того, теория способна лишь характеризовать живое существо в абстрактных понятиях, тогда как догмат, напротив, удачно выражает жизненный процесс

бессознательного в форме драмы раскаяния, жертвы и искупления. С этой точки зрения несколько удивляет стойкость протестантской схизмы. Впрочем, поскольку протестантизм сделался вероучением предприимчивых германских племен с характерными для них любопытством, приобретательством и неусидчивостью, то вполне возможно, что эти особенности нрава мешали принять церковный мир и покой – во всяком случае, на длительный срок. По-видимому, эти германцы не успели развиться в степени, достаточной для того, чтобы принять представление о спасении и подчиниться божеству, являвшему себя через великолепный порядок церкви. Пожалуй, в церкви было слишком много от *Imperium Romanum* и *Pax Romana* (Римской империи и римского мира) – слишком много для тех, чья активность во многом не поддавалась и не поддается до сих пор обузданию. Не исключено, что они нуждались отнюдь не в ясном и менее подчиненном опыте постижения Бога, как это часто случается с предприимчивыми и беспокойными народами, чересчур юными для любых форм консерватизма или обуздания. Поэтому они отказались от посредничества церкви между Богом и человеком (одни в большей степени, другие – в меньшей). С падением защитных стен протестант утратил священные образы, выражавшие важные признаки бессознательного, заодно с ритуалом, который с незапамятных времен служил надежным способом взаимодействия с непредсказуемыми силами бессознательного. Вы-

свободилось огромное количество энергии, которая устремилась по древним каналам любопытства и приобретательства, и так Европа сделалась матерью драконов, пожравших большую часть планеты.

83 С тех пор протестантизм стал рассадником схизмы и одновременно способствовал быстрому развитию науки и техники, настолько очаровавших человеческое сознание, что оно забыло о непредсказуемых силах бессознательно-го. Катастрофа Великой войны 1914 года и все последующие проявления чрезвычайного умственного расстройства потребовались для того, чтобы возникло сомнение в здравости ума белого человека. Прежде чем разразилась война, мы были уверены, что мир возможно исправить рациональными средствами. Теперь же мы наблюдаем удивительный парад государств, которые присвоили себе древние тоталитарные притязания теократий, и этот процесс неизбежно сопровождается подавлением свободного мнения. Мы вновь видим людей, готовых грызть друг другу глотки ради детских теорий о возможности сотворения рая на земле. Не слишком трудно заметить, что силы подземного мира – если не сказать, силы преисподней, – ранее скованные более или менее гигантской постройкой ума, где они служили какой-то цели, ныне творят или пытаются творить государственное рабство и государственную тюрьму, лишённые всякой умственной или духовной привлекательности. Сегодня многие убеждены в том, что простому человеческому разуму вряд ли суждено

справиться с решением громадной задачи по «затыканию» жерла вулкана.

84 Все это развитие происходит по воле судеб. Я не стал бы возлагать вину за него на протестантизм или на Возрождение. Не подлежит сомнению, что современный человек, будь он протестантом или кем-то еще, утратил защиту церковных стен, старательно возводившихся и укреплявшихся с римских времен. Вследствие этой утраты он приблизился к зоне мироразрушающего и мирозозидающего огня. Жизнь существенно ускорилась и стала куда насыщеннее. Наш мир захлестывают волны беспокойства и страха.

85 Протестантизм был и остается одновременно великим риском и великой возможностью. Если он и далее продолжит распадаться как церковь, это грозит лишить человека всех духовных предохранителей и способов защиты от непосредственного опыта сил, жаждущих освобождения бессознательного. Только взгляните на всю немыслимую дикость, что творится в нашем так называемом цивилизованном мире! Она обусловлена людьми и состояниями человеческого ума! Посмотрите на дьявольские орудия разрушения! Они изобретены совершенно безобидными джентльменами (*Gentlemen*), разумными и уважаемыми гражданами, подражать которым стремится каждый из нас. А когда все взрывается и наступает неопиcуемый ад опустошения, никто не спешит брать на себя ответственность. Это происходит словно само собой, хотя перед нами творение челове-

ческих рук. Увы, каждый из нас слепо верит в то, что он есть всего-навсего собственное, скромное и незначительное сознание, достойно исполняющее свои обязанности и служащее добыче умеренного достатка, а потому никто не замечает того, что вся эта рационально организованная совокупность, именуемая нами государством или нацией, влекома вперед какой-то очевидно безличной, незримой, но ужасной силой, каковую никто и ничто не может усмирить. Эту страшную силу обычно объясняют страхом перед соседней нацией, в которую словно вселился злобный бес. Поскольку никому не дано понять, насколько он сам одержим и бессознателен, то собственное состояние просто проецируется на соседа, а потому священным долгом объявляется приобретение самых могучих пушек и самых ядовитых газов. Хуже всего то, что это верно: наши соседи находятся во власти того же неконтролируемого и неподвластного узде страха, что и мы сами. В сумасшедших домах хорошо известно, что пациенты наиболее опасны тогда, когда ими движет страх, а не гнев или ненависть.

86 Протестант остается один на один с Богом. Для него не существует ни исповеди, ни отпущения грехов, ни возможности искупления через *opus divinum* (божественное свершение). Он должен в одиночестве переваривать собственные грехи и, в отсутствие пригодного ритуала, совершенно не уверен в божественной благодати. Отсюда нынешняя повышенная бдительность протестантской совести,

и она, подобно нечистой совести, обладает всеми признаками малопривлекательной и затяжной болезни, которая хронически мешает людям жить. Но по той же причине протестанту открывается уникальная возможность осознавать свои грехи – в степени, едва ли достижимой для католического сознания, поскольку ритуалы исповеди и отпущения грехов всегда готовы уменьшить чрезмерное напряжение. А вот протестант вынужден жить с этим напряжением, которое далее обостряет его совесть. Последняя, в особенности нечистая совесть, может быть небесным даром, подлинной благодарностью, если ее используют в интересах высшей самокритичности. А самокритичность, понимаемая как интроспективная и пристрастная деятельность, необходима для любых попыток постижения собственной психологии. Если совершить поступок, который приведет в замешательство, и спросить себя, что именно сподвигло вас на подобное действие, то потребуются «укол» нечистой совести и ее пристрастные способности, чтобы опознать подлинные мотивы вашего поведения. Только тогда станет понятным, какие мотивы направляют ваши поступки. Уколы нечистой совести даже прищипывают, побуждая выявлять то, что ранее оставалось в бессознательном, и так становится возможным пересечь порог бессознательного и окинуть взглядом те безличностные силы, которые делают человека бессознательным инструментом безжалостного убийцы, прячущегося в нашей сущности. Если протестант сумел пережить полную утрату церкви и остаться

протестантом, то есть человеком, беззащитным перед лицом Бога и лишенным крова и сообщества, то ему открывается уникальная духовная возможность непосредственного религиозного опыта.

87 Не знаю, удалось ли мне передать значение опыта бессознательного для моего пациента. По-видимому, не существует объективного критерия для оценки такого опыта. Мы должны принимать его в соответствии с той значимостью, какую этот опыт имеет для человека, его переживающего. Может поразить тот факт, что при очевидной своей бесполезности некоторые сновидения кое-что значат для разумных личностей. Но если отвергать слова подобной личности, если вы не можете поставить себя на ее место, тогда не вам и судить. *Genius religiosus*⁶² – дуновение, которое дышит, где хочет, и голос его слышишь. Нет такой архимедовой точки опоры, с которой можно было бы судить других, ибо психическое неотличимо от своих проявлений. Психическое является предметом психологии и одновременно, роковым образом, ее субъектом; от этого факта никуда не деться.

88 Немногочисленные сновидения, отобранные мною в качестве примеров того, что я называю «непосредственным опытом», неопытному глазу почти наверняка могут показаться совершенно непримечательными. Это неброские, крайне скромные свидетельства индивидуального опыта, которые, пожалуй, выглядели бы привлекательнее, представь

⁶² Здесь: божественный дух (лат.). – Примеч. ред.

я всю их последовательность во всем богатстве символического материала, выявленного при анализе. Но даже совокупность сновидений не сравнится по красоте и выразительности с любой составной частью традиционной религии. Догмат всегда является результатом и плодом работы множества умов на протяжении многих веков, очищенным от всех странностей, недостатков и пороков индивидуального опыта. При этом именно индивидуальный опыт, сколь угодно скудный, отражает реальную жизнь, несет в себе живое биение пульса дня сегодняшнего. Для человека, взыскующего истины, он убедительнее наилучшей традиции. Непосредственная, реальная жизнь всегда индивидуальна, поскольку индивидуальны средства к существованию; все, что исходит от индивидуума, по определению уникально, преходяще, несовершенно — в особенности когда дело касается продуктов умственной деятельности наподобие сновидений. Никто не видит сходных снов, пускай многие сталкиваются со сходными затруднениями. Впрочем, не может быть абсолютно уникального индивидуума, и так же невозможны абсолютно уникальные продукты или качества. Даже сновидения состоят во многом из коллективного материала, аналогично тому, как в мифологии и фольклоре различных народов некоторые мотивы повторяются чуть ли не в тождественной форме. Я называю эти мотивы архетипами⁶³ и под-

⁶³ См. мои «Психологические типы», раздел «Определения». — *Примеч. авт.* Также см. статью Юнга «О природе психического». — *Примеч. ред. оригинального*

разумеваю под ними обилие форм или образов коллективных по природе, встречающихся практически по всей планете в качестве элементов мифов, но одновременно выступающих как автохтонные, индивидуальные плоды бессознательного происхождения. Архетипические мотивы предположительно берут свое начало от тех состояний человеческого разума, которые передаются не только посредством традиции или миграции, но также с помощью наследственности. Эта гипотеза необходима, поскольку даже сложные архетипические образы могут воспроизводиться спонтанно, без прямого или опосредованного воздействия какой-либо традиции.

89 Теория предсознательных, примордиальных идей никоим образом не является моим собственным изобретением, на что указывает сам термин «архетип», восходящий к первым столетиям нашей эры⁶⁴. В применении к психологии мы обнаруживаем эту теорию в работах Адольфа Бастиана⁶⁵, а затем вновь у Ницше⁶⁶. Во французской литературе

издания.

⁶⁴ Термин «архетип» встречается у Цицерона, Плиния и других античных авторов. Он употребляется в Codex Hermeticum (Lib.1) как сугубо филологическое понятие: «Ведома тебе в глубинах ума архетипическая форма (Εἶδες ἐν τῷ νῷ τὸ ἀρχέτυπον εἶδος, τὸ προάρχον γῆς ἀρχῆς, τὸ ἀπέραντον), начало всех начал, ничем не скованное». – *Примеч. авт.*

⁶⁵ См.: Bastian, Das Bestaendige in den Menschenrassen. С. 75; Die Vorstellungen von der Seele; Der Voelkergedanke Im Aufbau einer Wissenschaft vom Menschen; Ethnische Elementargedanken in der Lehre vom Menschen. – *Примеч. авт.*

⁶⁶ «Человеческое, слишком человеческое»: «Итак, во сне и его грезах мы снова проходим урок прежнего человечества... Я полагаю, как еще теперь человек

Юбер и Мосс⁶⁷, а за ними Леви-Брюль⁶⁸ высказывали сходные соображения. Я лишь подобрал эмпирическое обоснование представлению о примордиальных, как говорили раньше, или элементарных идеях, «категориях» или *habitudes directrices de la conscience, representations collectives*⁶⁹ и т. д., углубившись в некоторые подробности их описания.

90 Во втором из сновидений, обсуждавшихся выше, мы встречались с архетипом, который пока не рассматривался. Это особое сочетание горящих свечей, образующих четыре

умозаключает во сне, так человечество умозаключало и наяву много тысячелетий подряд: первая *causa*, которая приходила в голову, чтобы объяснить что-либо нуждавшееся в объяснении, была достаточна и принималась за истину... Во сне это первобытное свойство человечества возрождается в нас, ибо это есть основа, на которой развился и еще развивается в каждом человеке высший разум: сон переносит нас назад, к отдаленным эпохам человеческой культуры, и дает нам средство лучше понять их» (I, 12–13). – *Примеч. авт.* (Перевод С. Франка. – *Примеч. ред.*)

⁶⁷ См. *Hubert et Mauss*, *Melanges D'Histoire des Religions*. С. XXIX: «Постоянно присутствующие в языке, но не выражаемые в нем явно... категории... обычно существуют в формах привычек, руководящих сознанием, но сами остаются неосознаваемыми. Представление о мане относится к таким принципам: это слово присутствует в языке, оно подразумевается целым рядом суждений и соображений, связанных с атрибутами маны. Мы описываем ману как категорию, но эта категория не связана неразрывно с первобытным мышлением; в наши дни, в ослабленной степени, она остается первичной формой, охватываемой другими, постоянно используемыми нашим сознанием формами, будь то сущность или причина...». – *Примеч. авт.*

⁶⁸ См.: *Levy-Bruhl*, *Les Fonctions mentales dans les sociétés inférieures*. – *Примеч. авт.*

⁶⁹ Основополагающих установках сознания, коллективных представлениях (*фр.*). – *Примеч. ред.*

как бы заостренных кверху пирамиды. Тут подчеркивается символическая значимость числа четыре, поскольку пирамиды занимают место алтаря или иконостаса, где ожидаешь узреть священный образ. Поскольку храм называется «домом собраний», можно предположить, что это выражается посредством образа или символа, который появляется в месте почитания. *Tetraktys*, если воспользоваться пифагорейским термином, действительно относится к «внутренним собраниям», то есть к сосредоточению, о чем ясно свидетельствует сон пациента. Этот символ возникает и в других сновидениях, обычно в форме круга, разделенного на четыре части или содержащего четыре основные части. В некоторых сновидениях из той же последовательности он еще принимает форму неразделенного круга, цветка, квадратной площади или комнаты, четырехугольника, шара, часов, симметричного сада с фонтаном посередине, четырех людей в лодке, в аэроплане или за столом, четырех стульев вокруг стола, четырех цветов, колеса с восемью спицами, звезды или солнца с восемью лучами, круглой шляпы, разделенной на восемь частей, медведя с четырьмя глазами, квадратной тюремной камеры, четырех времен года, корзинки с четырьмя орехами, мировых часов с диском, разделенным на $4 \times 8 = 32$ деления, и т. д.⁷⁰

⁷⁰ О психологии тетрактиса см. мою работу «Тайна золотого цветка», а также «Очерки по аналитической психологии», ч. 2. См. также: *Hauer*, *Symbole und Erfahrung des Selbstes in der indo-arischen Mystik*. – *Примеч. авт.*

91 Эти символы четвертичности встречаются 71 раз в последовательности из четырехсот сновидений⁷¹. Данный случай не является чем-то исключительным. Я наблюдал много случаев появления числа четыре, и оно всегда имело бессознательное происхождение, то есть образ приходил в сновидение, а сновидец не имел ни малейшего представления о его значении и никогда ранее не слышал о символической значимости четверки. Конечно, совершенно иначе обстоит дело с числом три, поскольку Троица воплощает собой общепризнанное символическое число. Но четверка для нас, в особенности для современных ученых, значит не больше, чем любое другое число. Числовой символизм со всей своей почтенной историей является областью знания, целиком и полностью лежащего за пределами сознания нашего сновидца. Если при таких обстоятельствах сновидения столь настойчиво говорят о важности четверки, то мы вправе относить происхождение этого образа к бессознательному. Нуминозный характер четвертичности очевиден во втором сновидении. Отсюда мы должны сделать вывод, что тут указывается на значение, которое мы называем «священным». Так как сновидец не в состоянии проследить этот образ до какого-то сознательного источника, я применяю сравнительный метод, чтобы прояснить значение символики. Конечно, здесь невозможно привести полное описание этой процеду-

⁷¹ Описание ряда сновидений см. в работе «Психология и алхимия», абз. 42 и далее. — *Примеч. ред. оригинального издания.*

ры сравнения, а потому я ограничусь общими наметками.

92 Поскольку многие содержания бессознательного кажутся остатками неких исторических состояний разума, нужно всего-навсего вернуться на несколько сот лет назад, чтобы восстановить тот уровень сознания, который бы соответствовал этим сновидениям. В нашем случае мы отступаем в прошлое меньше чем на триста лет и обнаруживаем себя среди ученых и натурфилософов, глубокомысленно обсуждающих загадку квадратуры круга⁷². Эта труднодостижимая задача сама была психологической проекцией чего-то, куда более древнего и целиком бессознательного. В те дни ученые уже знали, что круг означает божество. «Бог есть умопостигаемая фигура, чей центр повсюду, окружность же нигде» (*Deus est figura intellectualis, cuius centrum est ubique, circumferentia vero nusquam*⁷³), как говорил один из этих философов, вторя святому Августину. Такой интроверт и интроспективный человек, как Эмерсон⁷⁴, не мог не прийти к той же мысли – и тоже цитировал святого Августина. Образ круга, эта совершеннейшая форма со времен платоновского «Тимея» и высшая власть в герметической философии, приписывался предельно идеальной субстанции, золоту, также *anima mundi* или *anima media natura* (мировая ду-

⁷² Превосходное описание задачи см. в: *Maier, De Circulo Physico Quadrato*. – *Примеч. авт.*

⁷³ См.: Baumgartner, *Die Philosophie des Alanus de Insulis*, II. – *Примеч. авт.*

⁷⁴ О кругах. См.: *Emerson, Essays*, I. – *Примеч. авт.*

ша, душа природы), и первому свету творения. Поскольку макрокосм, Великий мир, был создан творцом «в форме круга или шара»⁷⁵, то малейшая частица целого, точка, сама наделялась этой совершенной природой. Как говорил философ: «*Omnium figurarum simplicissima et perfectissima primo est rotunda, quae in puncto requiscit*» («Из всех фигур простейших и совершеннейших первая есть круг, который покоится в точке»)⁷⁶. Этот образ божества, спящего и сокры-

⁷⁵ Тимей, 7: «Он (творец. – *Ред.*) путем вращения округлил космос до состояния сферы». (Перевод С. Аверинцева. – *Примеч. ред.*) См. также: *Steebus*, *Coelum Sphiroticum*. – *Примеч. авт.*

⁷⁶ См. *Steebus*; Майер (De Circulo) пишет: «*Circulus aeternitates symbolum, sive punctum indlvisiblle*» («Круг есть символ вечности или неделимая точка»). Относительно «круглого элемента» ср. *Turba Philosophorum*, sermo XLI, где упоминается «*rotundum, quod aes in quatuor vertit*» («круг, который делит медь на четыре»). Руска (немецкий филолог, специалист по алхимической литературе. – *Ред.*) полагает, что в греческих источниках такой символики нет. Это не вполне верно, ведь мы находим в περί ὀρυάνων Зосимы στοιχεῖον στρογγυλόν (см. *Berthelot*, *Collection des Anciens Alchemistes Crecs.*, III, XLIX). Та же символика содержится, вероятно, и в ποίημα (*Berthelot*, III) в форме περιγωνισμένον, которую Берто (знаменитый французский химик и историк химии, в том числе алхимии. – *Ред.*) переводит как «объект круговой». (Правильность такого перевода видится сомнительной.) Лучшим вариантом кажется «элемент омега» у Зосимы, который сам характеризовал его как круглый (см. там же. О творческой точке материи говорит и Сендивогий (польский алхимик и врач. – *Ред.*) в *Novum lumen* (*Musaeum hermeticum*): «Ибо в каждом теле есть свое средоточие, порождающее место или точка семени» (*Est enim in quolibet corpore centrum et locus, vel seminis seu spermatis punctum*). Эта точка есть «точка, порожденная Богом» (*punctum divinitus ortum*). Перед нами учение о «панспермии» (всеохватывающем порождении), о котором Афанасий Кирхер (см. *Mundus subterraneus*) писал: «*Ex sacris itaque Mosaicis Oraculis... constat, conditorem omnium Deum in principio*

того в материи, алхимики соотносили с изначальным хаосом, или райской землей, с круглой рыбиной в море⁷⁷, с яйцом либо же просто с *rotundum*. Это круглое нечто обладало как бы магическим ключом, отпиравшим запертые двери материи. Как говорится в «Тимее», только демиург, совершенное существо, способен отворить тетрактис, воплощение четырех элементов. В одном из важнейших источников тринадцатого столетия, *Turba Philosophorum*, говорится, что *rotundum* может разлагать медь на четыре составляющие. Желанное *aurum philosophicum* (философское золото) бы-

rerum Materiam quandam, quam nos non incongrue Chaoticam appellamus, ex nihilo creasse... intra quam quicquid... veluti sub panspermia quadam confusum latebat... veluti ex subjacente materia et Spiritus divini incubitu jam fecundata postea omnia... eduxerit... Materiam vero Chaoticam non statim abolevit, sed usque ad Mundi consummationem durare voluit, uti in primordiis rerum, ita in hunc usque diem, panspermia rerum omnium refertam» («Так из святых слов Моисеевых... явствует, что Господь, творец всего сущего, вначале сотворил из ничего некую материю, каковую мы подобающе кличем хаотической... и в оной... нечто в смятении пребывает скрытым, как будто всеоплодотворенное... словно Он впоследствии создал из подручных средств все то, что было уже зародившимся и что выносил Дух святой... Но не стал Он сокрушать оную хаотическую материю, а повелел ей бытовать, покуда мир не вызреет сполна, с самого начала всего на свете до сего дня, и панспермия присуща всему живому...»). Эти соображения возвращают нас к «нисхождению» или «падению божества» в гностической философии. См.: *Bussel*, Religious Thought and Heresy in the Middle Ages; *Reitzenstein*, Poimandres; *Mead*, Pistis Sophia и Fragments of a Faith Forgotten. – *Примеч. авт.*

⁷⁷ «Est in mari piscis rotundus, ossibus et corticibus carens, et habet in se pinguedinem» («Водится в море круглая рыбина, без костей и жил совсем, и заключает она в себе свою толщину»). Humidum radicale (всеобщая влага) – anima mundi (в плену материи). См.: *Allegoriae super Turbam*. – *Примеч. авт.*

ло круглым⁷⁸. Относительно способов обратиться к спящему демиургу мнения разделялись. Одни надеялись познать его в форме *prima materia* (первоматерии), содержавшей особую концентрацию конкретной субстанции или некую ее разновидность. Другие пытались создать круглую субстанцию посредством своеобразного синтеза; анонимный автор трактата *Rosarium philosophorum* писал: «Сделай из мужчины и женщины круглый круг, извлеки из него четырехугольник, а из оного треугольник. Сделаешь круг круглым, и ты обретишь философский камень»⁷⁹.

93 Этот чудесный камень символизировался совершенным живым существом, гермафродитом по своей природе, который соответствует сфере Эмпедокла, андрогину и «прежде двуполому существу» Платона. Еще в начале четырнадцатого столетия Петрус Бонус сравнивал камень с Христом как *allegoria Christi*⁸⁰. Но в Aurea Hora, тракта-

⁷⁸ «Nam ut coelum, quoad visibile,... rotundum in forma et motu... sic Aurum» («Как небеса, доступные зрению, круглы по форме и движению... таково и золото»). См.: Maier, De Circulo. – *Примеч. авт.*

⁷⁹ См. *Rosarium philosophorum*. Этот трактат приписывается мистику Петру Толедскому (Толетанию), который жил в Толедо приблизительно в середине тринадцатого столетия. Он считается либо старшим современником, либо братом Арнольда из Виллановы, знаменитого врача и философа. «Розарий» сегодня печатают по первой публикации 1550 г., это компиляция, датируемая, возможно, лишь пятнадцатым столетием, хотя отдельные ее части, не исключено, относятся к тринадцатому столетию. – *Примеч. авт.*

⁸⁰ См.: *Janus Lacinus*, Pretiosa margarita novella, 1546, и *Mangetus*, Bibl.chem., II. Об уподоблении Христу см. мою работу «Психология и алхимия», раздел «О па-

те псевдо-Фомы тринадцатого столетия, таинство камня ставится даже выше таинств христианской религии⁸¹. Я перечисляю эти факты лишь для того, чтобы показать, что круг или шар, содержащий четверку, служил аллегорией божества для многих наших образованных предков.

94 Из латинских трактатов также следует, что тайный демиург, спящий или сокрытый в материи, тождественен так называемому *homo philosophicus* (человеку философскому), или второму Адаму⁸². Это духовный человек, Адам Кадмон, часто отождествлявшийся с Христом. Настоящий Адам был смертен, ибо его сотворили из четырех тленных элементов, зато второй Адам бессмертен, а его тело состоит из чистой и нетленной сущности. Псевдо-Фома говорит так: «Второй Адам из чистейших элементов переходит в вечность. Он пребывает в вечности, поскольку состоит из простых и чистых сущностей» (*Secundus Adam de puris elementis in aeternitatem transivit. Ideo quia ex simplici et pura essentia*

раллелях с ляпис-лазурью». — *Примеч. авт.*

⁸¹ См. Beati Thomae de Aquino Aurora sive Aurea Hora. Полный текст в редком издании 1625 г.: *Harmoniae Imperscrutabilis Chymico-Philosophicae sive Philosophorum Antiquorum Consensientium Decas*, I. Frankfurt, 1625. Наиболее любопытна первая часть трактата *Tractatus Parabolarum*, опущенная в силу «богохульности» содержания в изданиях 1572 и 1593 гг. В экземпляре *Artis Auriferae* в центральной цюрихской библиотеке отсутствуют четыре главы, зато в парижской национальной библиотеке имеется полный текст. — *Примеч. авт.*

⁸² Превосходное описание см. в комментариях алхимика Доменика Гносия к *Tract. Aureus Hermetis* (1613) и у Мангетуса. — *Примеч. авт.*

*constat, in aeternum manet*⁸³). В том же трактате приводятся слова раннего латинизированного арабского философа, известного как Сениор, знаменитого и влиятельного на протяжении всех Средних веков: «Есть одна субстанция, каковая никогда не умирает, ибо она упорствует в непрестанном возрастании». По толкованию, этой субстанцией как раз является второй Адам⁸⁴.

95 Из этих цитат явствует, что круглая субстанция, разыскиваемая философами, была проекцией, чрезвычайно сходной с символизмом наших сновидений. Мы располагаем историческими документами, которые доказывают, что сны, видения, даже галлюцинации часто примешивались к великим философским трудам⁸⁵. Наши предки, обладая умственной конституцией наивнее нашей, прямо проецировали содержания бессознательного на материю. Впрочем, материя легко принимала такие проекции, поскольку в то время она считалась практически неведомой и непостижимой сущностью. А там, где человек встречается с чем-то таинственным,

⁸³ См. Aurea Noga. Зосима (Berthelot. Alch. Grecs., III) цитирует некий герметический источник и говорит, что ὁ θεοῦ νῖδς πάντα γινόμενος был именно Адам – или Тот, состоявший из четырех элементов и четырех основных точек. См. также мою работу «Психология и алхимия», абз. 456 и далее. – *Примеч. авт.* Тот в египетской мифологии – бог мудрости и знания; в гностической и алхимической традициях отождествлялся с Гермесом Трисмегистом. – *Примеч. пер.*

⁸⁴ См.: Aurea Noga. – *Примеч. авт.*

⁸⁵ См. мою работу «Психология и алхимия», раздел «Религиозные идеи в алхимии». – *Примеч. авт.*

он без всякой самокритичности проецирует на это нечто свои догадки. В наши дни, конечно, химическая материя приобрела широкую известность, и потому мы уже не можем воспроизводить проекции с легкостью, присущей нашим предкам. Нужно наконец признать, что тетрактис является принадлежностью психического; мы до сих пор не знаем, не окажется ли он тоже проекцией в более или менее отдаленном будущем. Пока же удовлетворимся тем фактом, что идея Бога, полностью отсутствующая в сознании современного человека, возвращается в форме, которая сознательно была известна три или четыре столетия назад.

96 Нет необходимости указывать, что эта часть истории болезни осталась неизвестной моему пациенту. Повторим, пожалуй, за поэтом-классиком: «*Naturam exepellas furca tamen usque recurret*»⁸⁶.

97 Древние философы были убеждены в том, что Господь проявляет Себя прежде всего в творении четырех элементов. Последние олицетворялись четырьмя частями круга. Так, мы читаем в коптском гностическом трактате *Codex Brucianus*⁸⁷ о Единорожденном (Моногене или Антропосе):

«Тот же он, кто пребывает в монаде, что и в Сетии (творце) и что пришел оттуда, о коем никому не ведомо, где оно... Из Него вышла монада, подобно

⁸⁶ «Вилой природу гони, она все равно возвратится» (лат.). Гораций, Послания, 1, 10. – Примеч. ред.

⁸⁷ См.: Baynes, A Coptic Gnostic Treatise. – Примеч. авт.

кораблю с добрыми товарами, подобно полю, полному или засаженному всякого рода деревьями, подобно граду, заселенному всеми племенами людскими... и в покрывале, его окружающем, точно крепостная стена, есть двенадцать врат... это тот же Материнский град (метрополис) Единорожденного».

В другом месте сам Антропос предстает градом, а его конечности суть четверо ворот. Монада же – искра света и атом Божества. Моноген мыслится стоящим на тетрапедии – то есть на платформе, что опирается на четыре колонны; это соответствует четвертичности христианских евангелистов или тетраморфу, символическому скакуну церкви, который сочетает в себе символы четырех евангелистов – ангела, орла, быка или теленка и льва. Сходство с Новым Иерусалимом Откровения очевидно.

98 Деление на четыре, синтез четырех, чудесное появление четырех цветов и четыре стадии алхимической работы – *nigredo*, *dealbatio*, *rubefactio*, *citrinitas*⁸⁸ – постоянно занимали древних философов⁸⁹. Четверка олицетворяла составные части, качества и стороны Единого. Но почему мой пациент

⁸⁸ Нигредо – подготовительная стадия; деальбацию (или альбедо) – выпаривание шлаков и получение малого эликсира; цинтринитас – третья промежуточная стадия; рубефакцию (рубедо) – заключительная стадия, союз ртути и серы. Подробнее см.: *Stanton J. Linden. The Alchemy reader: from Hermes Trismegistus to Isaac Newton. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – Примеч. пер.*

⁸⁹ Этот трактат – одна из первых попыток свести воедино и изложить связно средневековые сведения о четвертичности. – *Примеч. авт.*

друг вспомнил эти древние спекуляции?

99 У меня нет однозначного ответа. Могу сказать только, что это не исключительный случай: в моих наблюдениях и в наблюдениях коллег довольно часто встречается и спонтанно воспроизводится та же символика. Я вовсе не думаю, разумеется, что она порождена фантазиями трех- или четырехсотлетней древности. В тот период эта архетипическая идея попросту в очередной раз оказалась востребованной. Сама она намного старше средневековья, как доказывает платоновский «Тимей». Ее нельзя причислить к классическому или египетскому наследию, поскольку она обнаруживается фактически повсюду и во все времена. Достаточно вспомнить, например, сколько внимания уделяли четвертичности американские индейцы⁹⁰.

100 Хотя четверка является извечным, предположительно доисторическим символом⁹¹, хотя она всегда ассоциировалась с представлением о божестве-творце мироздания, любопытно, что это число редко осознается в таком качестве теми современными людьми, кому, так сказать, является. Меня всегда интересовало, как станут истолковывать четверку люди, полагаясь лишь на собственные оценки и не имея познаний об истории символа. Поэтому я старался не навязывать им свое мнение – и, как правило, обнаруживал, что лю-

⁹⁰ См., например, 5-й и 8-й ежегодные отчеты бюро этнологии Смитсоновского института (1887, 1892). – *Примеч. авт.*

⁹¹ Ср. палеолитические «солнечные кольца» в Родезии. – *Примеч. авт.*

ди видят в четверке олицетворение самих себя или чего-то, что им свойственно. Они чувствуют, что это число принадлежит им, выступает, если угодно, творческой основой, жизнесозидающим солнцем в глубинах бессознательного. Хотя легко заметить, что отдельные мандалы почти в точности воспроизводят видение Иезекииля⁹², крайне редко случалось, чтобы пациенты улавливали сходство, даже если были знакомы с библейским текстом (впрочем, такое знакомство на сегодняшний день можно считать почти исключительным явлением). Хочется говорить о едва ли не систематической слепоте, но это просто следствие предрассудка, согласно которому Божество находится вне человека. Этот предрассудок нельзя считать сугубо христианским, однако есть религии, которые совсем его не разделяют. Напротив, подобно некоторым христианским мистикам, они настаивают на сущностном тождестве Бога и человека – либо в форме априорного тождества, либо в виде цели, которой возможно достичь посредством определенных практик или инициаций, известных нам, к примеру, по «Метаморфозам» Апулея⁹³, не говоря уже об упражнениях йоги.

101 Применение сравнительного метода наглядно показывает, что четверка выступает более или менее непосред-

⁹² Подробнее об этом см. работу «Ответ Иову» в настоящем издании. – *Примеч. ред.*

⁹³ Герой романа в ходе своих скитаний в ослином облике попадает к жрецам богини Кибелы и участвует в мистериях. – *Примеч. пер.*

ственным представлением Божества, проявляющего Себя в Своем творении. Следовательно, можно сделать вывод, что спонтанно возникающий в людских сновидениях символ означает то же самое – Бога, находящегося внутри нас. Пусть в большинстве случаев люди этого не осознают, но такое истолкование может быть, тем не менее, истинным. Если принять во внимание тот факт, что представление о Боге является «ненаучной» гипотезой, тут же становится понятным, почему люди забыли о таком мышлении. Даже продолжая лелеять некую смутную веру в Бога, они отворачиваются от идеи Бога внутри по причине религиозного воспитания, которое всегда умахало эту идею как «мистическую». Но именно та самая «мистическая» идея внедряется в сознание посредством снов и видений. Нам с моими коллегами довелось столкнуться со множеством случаев сходного символизма, и потому мы более не вправе сомневаться в его существовании. Вдобавок мои наблюдения восходят еще к 1914 году, и минуло четырнадцать лет, прежде чем я решился их опубликовать⁹⁴.

102 Будет непростительной ошибкой расценивать мои наблюдения как очередную попытку доказательства бытия Бога. Эти наблюдения доказывают только существование архетипического образа Божества, и большего, как мне кажется, мы попросту не можем утверждать о Боге с точки зре-

⁹⁴ См. работу «Тайна золотого цветка», первое немецкое издание которой увидело свет в 1929 г. – *Примеч. ред. оригинального издания.*

ния психологии. А поскольку этот архетип крайне важен и чрезвычайно влиятелен, его сравнительно частое проявление видится заслуживающим внимания событием для любой *theologia naturalis* (естественной теологии). Поскольку же восприятие этого архетипа зачастую обладает качеством ну-минозности, сам архетип попадает в категорию религиозного опыта.

103 Здесь будет вполне уместным указать на следующее любопытное обстоятельство: главнейшим христианским символом является Троица, однако бессознательное опирается не на тройку, а на четверку. Вообще-то следует отметить, что даже ортодоксальная христианская формула далека от завершенности, ибо догматический принцип существования зла не присутствует в Троице – он связывается с довольно неудобным признанием существования дьявола. Тем не менее церковь, как кажется, не исключает целиком неких внутренних взаимоотношений между Троицей и дьяволом. Один католический мыслитель высказался по этому поводу так: «Существование Сатаны, впрочем, возможно постичь только через Троицу». Всякое религиозное представление о дьяволе вне связи с троичным представлением Божества является предельно ложным⁹⁵. С этой точки зрения дьявол обладает личностью и абсолютной свободой. Поэтому, именно поэтому он становится подлинной, личностной противоположностью Христа. «Сим знаменуется новая свобо-

⁹⁵ См.: Koepgen, Die Gnosis des Christentums. – *Примеч. авт.*

да в Божественном бытии: Он позволяет дьяволу пребывать поблизости, а обиталище дьявольское не рушится на протяжении столетий». Представление о «могущественном дьяволе несовместимо с представлением об Иегове, зато отменно сочетается с представлением о Троице. Загадка одного Божества, единого в трех лицах, открывает новые просторы в глубинах Божественного бытия, отчего делается возможным помышление о дьяволе, каковой воплощается рядом с Богом и Ему противостоит»⁹⁶. То есть дьявол наделяется автономной личностью, свободой и вечным бытием, причем эти метафизические свойства настолько сближают его с Божеством, что он и вправду мыслится как существующий в противодействии Всевышнему. Отсюда и проистекает связь, даже негативная близость дьявола с Троицей, – связь, в которой больше нельзя усматривать сугубо католическую идею.

104 Включение дьявола в четвертичность – отнюдь не современная спекуляция или некая чудовищная фабрикация со стороны бессознательного. В трудах натурфилософа и врача шестнадцатого столетия Герхарда (Герарда) Дорна мы находим подробные обсуждения символики Троицы и четвертичности, причем последняя как характеристика приписывается дьяволу. Дорн резко порывает с предшествующей алхимической традицией, соглашаясь с догматическим христианским взглядом на троичность Божества,

⁹⁶ Там же. – *Примеч. авт.*

но отвергает божественность четверки, потому что четверка примыкает к триединству в *quinta essentia* (полноте, квинт-эссенции). По словам Дорна, четвертичность есть на самом деле «дьявольское измышление» и «дьявольская ложь»; автор утверждает, что после падения ангелов с небес дьявол *quaternariam et elementariam regionem decidit* («рухнул в царство четвертичности и исходных элементов»). Еще Дорн дает развернутое описание символической операции, посредством которой дьявол порождает «двойную змею» (число 2) с «четырьмя рогами» (число 4). Действительно, число 2 есть сам дьявол, *quadricornutus binarius* (четвероногая двойственность)⁹⁷.

⁹⁷ Дорн считает, что Господь сотворил *binarius* на второй день творения, когда отделил верхние воды от нижних, и что именно поэтому Он забыл сказать вечером второго дня, хотя говорил во все другие дни, что «это хорошо». Высвобождение *binarius*, как считает Дорн, явилось причиной «смятения, разделения и раздора». Из *binarius* возникло *sua proles quaternaria* («его четвертичное потомство»). Поскольку число 2 имеет женскую сущность, оно также обозначает Еву, тогда как число 3 олицетворяет Адама. Потому-то дьявол искушает первой как раз Еву: «*Scivit enim <diabolus>, ut omni astutia plenus, Adamum unario insignitum; hac de causa primum non est aggressus, dubitavit nimirum se nihil efficere posse; item non ignoravit Evam a viro suo divisam tanquam naturalem binarium ab unario sui ternarij. Proinde a similitudine quadam binarij ad binarium... armatus, in mulierem fecit impetum. Sunt enim omnes numeri pares feminei, quorum initium duo sunt, Evae proprius, et primus numerus*» («Ибо [дьявол] ведал, будучи исполнен лукавства, что Адам отмечен *unarius*, а по сей причине он не стал первым на одного нападать, усомнившись в силах своих что-либо с оным поделывать. Вдобавок был он осведомлен, что Ева отделилась от мужа своего подобно природной двойчности от единства троичности. Посему, вооружась неким подобием двойки двойчности, приступил он к нападению на женщину. Ведомо же, что все четные

105 Поскольку тождество Бога индивидууму – это чрезвычайно смелое допущение, граничащее с ересью⁹⁸, понятие «Божества внутри» также подразумевает некие догматические затруднения. Но четвертичность в том виде, в каком она рисуется современному психическому, прямо указывает и на «Божество внутри», и на тождество Бога человеку. Вопреки догмату, мы имеем не три, а четыре стороны. Отсюда легко предположить, что четвертая сторона олицетворяет дьявола. Хотя логия гласит: «Разве ты не веришь, что Я в Отце и Отец во Мне?»⁹⁹, будет сочтено богохульством или безумием настаивать на догматичной человечно-

числа суть женские, а из них Евино число, двойка, извечно ей присущее, стоит первым»). См.: *Dorneus, De tenebris contra naturam et vita brevi, Theatr. chem.*, 1602. В этом же трактате и в следующем за ним, *De duello animi cum corpore*, читатель найдет все сведения, мною перечисленные. Легко заметить, что Дорн ловко выявляет в *binarius* тайное родство дьявола с женщиной. Он первым указал на расхождение между троичностью и четвертичностью, между Богом как Духом и эмпедокловой природой, тем самым, пусть неосознанно, перерезав нить алхимической проекции. Потому он говорит о *quaternarius* как о «важнейшем условии врачевания для неверных». Придется оставить открытым вопрос, кого он имел в виду под «неверными» – арабов или язычников античности. Так или иначе, Дорн подозревал, что в четвертичности скрыто что-то нечестивое, которое тесно связано с женской природой. Ср. мои замечания по поводу *virgo terrae* (девственной земли) в следующем параграфе. – *Примеч. авт.* По Эмпедоклу, природа состоит из четырех стихий, образующих «корни сущего», а именно: из воды, земли, воздуха и огня. Смешиваясь, они составляют все на свете, от мельчайших частиц до человека и божеств. – *Примеч. пер.*

⁹⁸ Я намеренно выпускаю из рассмотрения догмат о человеческой природе Христа. – *Примеч. авт.*

⁹⁹ Ин. 14:10. – *Примеч. ред.*

сти Христа в той степени, что человек может отождествиться с Христом и обрести *homoousia* (омоусию, сущностное тождество)¹⁰⁰. Но представляется, что естественная символика подразумевает именно это, а потому с ортодоксальной точки зрения природная четвертичность может быть объявлена *diabolica fraus* (дьявольской уловкой), а главным свидетельством тут послужит именно поглощение четвертой стороны, которая выражает «предосудительную» часть христианского космоса. Церковь, по моему мнению, должна отвергать всякую попытку принимать всерьез такие выводы. Более того, она должна осуждать любое стремление приобщиться к этому опыту, ведь она не в состоянии признать, что природа соединяет разделенное церковью. Голос природы ясно слышим во всех восприятиях четвертичности, и это обстоятельство пробуждает былые подозрения насчет всего, хотя бы отдаленно связанного с бессознательным. Научное изучение сновидений – все та же древняя нейромантика¹⁰¹ и потому столь же достойно порицания, как любое другое «оккультное ремесло» (*okkulte Kunste*). Близкие параллели символике сновидений обнаруживаются в старинных алхимических трактатах, каковые столь же еретичны, как и са-

¹⁰⁰ Это тождество не имеет ничего общего с католическим учением о растворении индивидуальной жизни «во Христе» и о подчинении человека *corpus mysticum* (мистическому телу) церкви. Скорее, оно полностью противоположно по смыслу. – *Примеч. авт.*

¹⁰¹ Нейромантия – общение с душами умерших, разновидность магии, способ оживления астральных тел (по Э. Леви). – *Примеч. пер.*

ми сны¹⁰². Вот, полагаю, причина и основание загадочности их стиля и обилия «защитительных» метафор¹⁰³. Символические утверждения алхимиков прошлого обуславливались тем же бессознательным умом, какой обуславливает нынешние сновидения; это все – глас природы.

106 Живи мы по-прежнему в средневековом мире, где редко возникали сомнения в действиях высших сил и где каждая история мироздания начиналась с пересказа книги Бытие, мы легко могли бы отмахнуться от сновидений и тому подобного. К сожалению, мы живем в современном окружении, где все высшее подвергается сомнению и где люди отчетливо сознают, что всякий нуминозный опыт, если вообще его признавать, есть психическое переживание. Нам уже не дано вообразить себе эмпиреи, что вращаются вокруг трона Господня, и мы уже не мечтаем найти Бога где-то за пределами галактических систем. Однако человеческая душа как будто становится хранилищем тайн, ибо для эмпирика весь религиозный опыт сжимается до особого состояния психики. Чтобы проникнуть хотя бы неглубоко в зна-

¹⁰² Здесь я опираюсь в основном на труды, которые содержат алхимические легенды и назидательные истории. Хорошим примером будет *Symbola aureae mensae* Михаэля Майера с рассуждениями о символическом *peregrinatio* (паломничестве). – *Примеч. авт.*

¹⁰³ Насколько мне известно, в алхимической литературе не найти сетований на преследования со стороны церкви. Обыкновенно авторы в качестве обоснования загадочности рассуждают о великих тайнах, доступных лишь воистину сведущим. – *Примеч. авт.*

чение религиозного опыта для тех, кто им обладает, мы располагаем сегодня возможностью изучать любые его формы. Если этот опыт что-либо да значит, то он значит все для людей, им обладающих. К такому неизбежному выводу, во всяком случае, приходишь после тщательного изучения свидетельств. Религиозный опыт можно даже определить как тот, который наделяется высшей ценностью, вне зависимости от непосредственного содержания. В духе вердикта *extra ecclesiam nulla salus*¹⁰⁴ современность обращается к психическому как к последней своей надежде. Где еще можно отыскать такой опыт? Ответ более или менее будет сходен с приведенным ранее: голос природы откликнется на призывы всех тех, кто поглощен психическими затруднениями человечества, и всем им придется столкнуться с новыми, сбивающими с толка вопросами. Духовные потребности моих пациентов заставили меня предпринять достаточно глубокое исследование некоторых символов, порождаемых бессознательным. Подробное обсуждение интеллектуальных и этических следствий этой задачи способно увести слишком далеко, поэтому я вынужден ограничиться белым изложением.

107 Главные символические фигуры любой религии всегда выражают определенную моральную и умственную установку. В качестве примера можно упомянуть крест со всеми его многообразными религиозными значениями. Дру-

¹⁰⁴ Нет спасения вне церкви (лат.). – Примеч. ред.

гим главным символом выступает Троица, которая носит исключительно мужской характер. Но бессознательное превращает троичность в четвертичность, которая одновременно есть нечто цельное, подобно тому, как три лица в Троице суть единое Божество. Древние натурфилософы воображали Троицу, которая мнилась им *imaginata in natura* (мнимой по природе), как три *spiritus* (бестелесных духа), также как *volatilia* (летучие), а именно: как воду, воздух и огонь. Четвертым элементом виделась земля, или тело, а символически он выражался в фигуре Девы¹⁰⁵. Тем самым женский элемент присоединялся к физической Троице и создавал четвертичность, квадратный круг, символом которого являлся гермафродитический *Rebis*¹⁰⁶, «сын премудрости». Средневековые натурфилософы, несомненно, считали четвертым элементом землю и женское начало. Принцип зла не упоминался напрямую, однако он проступал в представлениях о ядовитости *prima materia* и в прочих иносказаниях. В современных же сновидениях четвертичность есть про-

¹⁰⁵ См.: «Психология и алхимия». В «Пандоре» Ройснера тело прославляется в форме Успения Богородицы. Блаженный Августин уподоблял землю Святой Деве: *Veritas de terra orta est, quia Christus de virgine natus est* («Истина восстает из земли, ибо Христос рожден непорочною девой»). То же находим у Тертуллиана («Против иудеев»): *Illa terra virgo nondum pluvius rigata nec in imbribus foecundata* («Та девственная земля, еще не орошенная дождями, еще не оплодотворенная ливнями»). – *Примеч. авт.*

¹⁰⁶ Ребис («состоящий из двух») есть философский камень, ибо в нем сочетаются мужское и женское начала. – *Примеч. авт.* См.: «Психология и алхимия», рис. 125. – *Примеч. ред. оригинального издания.*

дукт бессознательного. Как я отмечал в первой главе, бессознательное часто персонифицируется в Аниме, женской фигуре, от которой, судя по всему, и исходит символика четвертичности. Она предстает как матрица четвертичности, или *Mater Dei* (Богоматерь), подобно тому как земля понималась Матерью Божией. А поскольку женщина, наряду со злом, исключается из божественности в догмате Троицы, злое начало воляется в религиозный символ, если последний обретает свойство четвертичности. Не требуется особых усилий воображения, чтобы догадаться о далеко идущих духовных последствиях такого развития.

3.

История и психология естественного символа

108 Сам я вовсе не против философского любопытства, однако предпочитаю не погружаться в обсуждение этических и интеллектуальных сторон символа четвертичности. Его психологические следствия достаточно велики и играют значительную роль в практике лечения. Нас здесь интересует не столько психотерапия, сколько религиозная сторона ряда психических феноменов, и потому я был вынужден, обращаясь к психопатологии, извлечь эти исторические символы

и фигуры из-под слоя могильной пыли¹⁰⁷. Будучи молодым психиатром, я и заподозрить не мог, что однажды стану заниматься чем-то подобным. Поэтому я несколько не удивлюсь, если затянувшееся обсуждение символа четвертичности, квадратуры круга и еретических попыток «улучшить» догмат о Троице покажется кому-то чрезмерно надуманным и натянутым. Но вообще-то дело в том, что все мои рассуждения о четвертичности представляют собой лишь прискорбно краткое и недостаточно полное введение в обсуждение следующего, заключительного примера, иллюстрирующего рассматриваемый случай.

109 Уже в самом начале нашей последовательности сновидений появляется круг. Он принимает, к примеру, форму змея, который обнимает сновидца кольцом¹⁰⁸. В последующих снах он предстает то в виде часов, то как круг с точкой посередине или круглая мишень для стрельбы, то как часы-*perpetuum mobile* (вечный двигатель), мяч или шар, то как круглый стол или бассейн и т. п. Квадрат тоже появляется, одновременно с кругом, – в форме городской площади или сада с фонтаном посередине. Несколько позже квадрат

¹⁰⁷ См. мою работу «Символы трансформации». – *Примеч. авт.*

¹⁰⁸ Явная отсылка к древнему символу Уробороса, поедающего собственный хвост. – *Примеч. авт.* Уроборос – змея, свернувшаяся кольцом и кусающая себя за хвост; этот символ широко применялся гностиками, а впоследствии приобрел немалую популярность в мистицизме и алхимии, также среди европейских оккультистов. – *Примеч. пер.*

связывается с круговым движением¹⁰⁹: люди ходят кругами по площади; магическая церемония (превращение животных в человеческих существ) протекает в квадратной комнате, где по углам лежат четыре змеи, а люди бродят кругами от одного угла к другому; сновидец объезжает площадь в такси; квадратная тюремная камера, вращающаяся пустая клетка и т. д. В иных сновидениях круг представляется вращением – скажем, четверо детей несут «темное кольцо» и ходят кругами. Также круг сочетается с четвертичностью: это может быть серебряная чаша с орехами в четырех ключевых точках или стол с четырьмя стульями. Особое внимание как будто уделяется центру. Он символизируется яйцом посреди круга, звездой, составленной из отряда солдат или вращающейся в середине круга, ключевые точки которого обозначают четыре времени года, шестом, драгоценным камнем и пр.

110 Все эти сновидения порождают один и тот же образ, который является пациенту как внезапное визуальное впечатление. Поначалу этот образ проступает обрывками, визуализируется фрагментарно, однако затем является в виде цельной картины. По словам самого пациента, «это было впечатление неподдельной и тончайшей гармонии». В подобных случаях не имеет значения, каковы наши впечат-

¹⁰⁹ Восточной параллелью здесь будет «круговращение света», о котором говорится в китайском алхимическом трактате (см. нашу с Р. Вильгельмом работу «Тайна золотого цветка»). – *Примеч. авт.*

ления или что мы думаем о происходящем; главными оказываются ощущения пациента. Это его опыт, и если он испытывает вследствие такого опыта глубокое преобразующее воздействие, то нет смысла его оспаривать. Психолог может лишь отметить данный факт, и, считая эту задачу посильной для себя, попытаться понять, почему указанное видение так воздействовало на конкретную личность. Для моего пациента видение стало поворотным пунктом в психологическом развитии. Можно, пожалуй, говорить – на языке религии – об обращении.

111 Вот буквальная запись видения:

Вертикальный и горизонтальный круги с общим центром. Это мировые часы. Они опираются на черную птицу¹¹⁰.

Вертикальный круг – это синий диск с белым ободом, разделенный на $4 \times 8 = 32$ части. По диску вращается стрелка.

Горизонтальный круг образуют четыре цвета. На кругу стоят четыре маленьких человечка с маятниками, а по ободу тянется кольцо, прежде темное, но теперь золотистое (раньше его поддерживали четверо детей).

У мировых часов три ритма, или биения:

1.

Малое биение: стрелка на синем вертикальном диске пе-

¹¹⁰ Это отсылка к предыдущему сновидению, в котором черный орел уносил золотое кольцо. – *Примеч. авт.* Полное описание сна с часами см. в: «Психология и алхимия», абз. 307 и далее. – *Примеч. ред. оригинального издания.*

перемещается на одно полуминутное деление ($1/32$).

2.

Среднее биение: полный оборот стрелки. Одновременно горизонтальный круг перемещается на полуминутное деление ($1/32$).

3.

Большое биение: 32 средних биения равны одному полному обращению золотого кольца.

112 Видение подводит итог всем иносказаниям предшествующих снов. Оно выглядит попыткой создать осмысленное целое из ранее фрагментарных символов – круга, шара, квадрата, вращения, часов, звезды, креста, четвертичности, времени и т. д.

113 Конечно, нелегко понять, почему чувство «неподдельной и тончайшей гармонии» вызывается подобными абстрактными образами. Но если вспомнить два круга из платоновского «Тимея» и гармоничную закругленность *anima mundi*, то мы откроем себе дорогу к пониманию. Опять-таки обозначение «мировые часы» приводит на ум античные представления о музыкальной гармонии сфер. То есть перед нами своего рода космологическая система. Будь это видение тверди небес в ее медленном вращении либо поступательного движения Солнечной системы, тогда мы без труда восприняли бы и оценили совершенную гармонию картины. Еще мы могли бы допустить, что платоновское видение кос-

моса пробивается здесь проблесками сквозь туман подобно-го сну сознания. Но в этом видении есть нечто такое, что не вполне согласуется с гармоничным совершенством платоновского описания. Два круга различны по своей природе. Различаются они не только движением, но и цветами. Вертикальный круг – синий, а горизонтальный, образованный четырьмя цветами, предстает золотистым. Синий круг, как легко предположить, может символизировать голубую полусферу неба, тогда как горизонтальный олицетворяет горизонт с четырьмя ключевыми точками в облике четырех человек и в воплощении четырех цветов (в более раннем сновидении точки представляли то четырьмя детьми, то четырьмя временами года). Эта картина сразу заставляет вспомнить средневековые представления о мироздании в форме круга или *rex gloriae* (царства славы) с четырьмя евангелистами, или же *melothesia* (мелотезией), где горизонтом выступал зодиак¹¹¹. Образ торжествующего Христа восходит, как кажется, к сходным изображениям Гора и четырех его сыновей¹¹². Имеются и восточные аналогии – буддийские манда-

¹¹¹ Речь о «проливающих кровь человечках». – *Примеч. авт.* Такие фигурки средневековые врачи рисовали внутри круга на пораженных участках человеческого тела, пуская – «отворяя» – пациенту кровь. Мелотезия – это «препоручение органов и частей тела попечению знаков планет». – *Примеч. ред. оригинального издания.*

¹¹² См.: *Budge, Osiris and the Egyptian Resurrection; The Egyptian Book of the Dead*. В рукописи седьмого столетия (Gellone) евангелистов символизируют головы «присвоенных» им животных, а не человеческие лица. – *Примеч. авт.* Гор – египетский бог неба и солнца, сын Осириса и Исида, мститель за смерть отца.

лы, или круги, обычно тибетские по своему происхождению. Они состоят, как правило, из круглой падмы (цветка лотоса), в которую вписано квадратное священное здание с четырьмя воротами, что указывают на четыре стороны света и четыре времени года. В центре находится Будда – или чаще всего Шива в слиянии со своей Шакти¹¹³, или же равнозначное по значению дордже (символ молнии)¹¹⁴. Эти круги суть янтры, ритуальные орудия, которые служат созерцанию, достижению сосредоточенности и окончательной трансформации сознания йога в божественное всесознание¹¹⁵.

114 Сколь бы поразительными ни казались эти аналогии, они не могут считаться вполне удовлетворительными, потому что до такой степени подчеркивают значение центра, что

Сыновья Гора считались защитниками трона Осириса в потустороннем мире; их изображали на сосудах, в которые помещали внутренние органы мумифицируемых. «Торжествует» Гор после того, как на суде богов признается правомочным наследником Осириса. Что касается «гельонской» рукописи (по месту происхождения – аббатству Гельон во Франции), то Юнг ошибочно удревнил ее возраст: сегодня установлено, что это текст конца VIII столетия. – *Примеч. пер.*

¹¹³ Шакти в шиваизме и тантре – супруга Шивы или Вишну, олицетворение разрушительной и творческой женской силы. В индуизме у каждого мужского божества имеется своя шакти. – *Примеч. пер.*

¹¹⁴ Образчик приводится в работе «Тайна золотого цветка». – *Примеч. авт.* Дордже – священная палица или жезл; в индуизме сходную роль выполняет ваджра – булава, мечущая молнии, оружие бога света, грозы и войны Индры. – *Примеч. пер.*

¹¹⁵ См.: *Kazi Dawa-Samdup, Shrichakrasambhara Tantra.* – *Примеч. авт.* См. также: *Gray D. Tantra and the Tantric Traditions of Hinduism and Buddhism.* Oxford: Oxford University Press, 2016. – *Примеч. ред.*

мнятся созданными лишь для выражения особой значимости центральной фигуры. В нашем же случае центр пуст. Это просто математическая точка. Упомянутые же мною параллели изображают миротворящее или правящее миром божество, либо человека, подчиненного небесным созвездиям. Наш символ – это часы, обозначающие время. Единственным известным мне аналогом подобного символа представляется нарисованный гороскоп с четырьмя ключевыми точками и пустым центром. Отмечу также и другое любопытное совпадение: в предшествующих сновидениях неоднократно возникало вращение, причем оно, как правило, выполнялось справа налево. Гороскоп делится на двенадцать домов, расположенных в порядке возрастания справа налево, то есть против часовой стрелки.

115 Впрочем, гороскоп состоит всего из одного круга, и, кроме того, в нем нет противопоставления двух явно различных систем. Поэтому гороскоп тоже видится неудовлетворительной аналогией, хотя и может пролить толику света на временные характеристики нашего символа. Пожалуй, нам пришлось бы отказаться от поиска психологических параллелей, не располагая мы подлинной сокровищницей средневековой символики. По счастливой случайности я набрел на творения малоизвестного средневекового автора начала четырнадцатого столетия Гийома де Дегилевиля, приора монастыря в Шали (Нормандия) и поэта, сочинившего

три «пелеринажа» в промежутке с 1330 по 1355 год¹¹⁶. Они называются *Le Pelerinage de la Vie Humaine, de l'Ame u de Jesus Christ* («Странствия жизни человеческой», «Странствия души» и «Странствия Христа»). В последнем из странствий – *Chant du Pelerinage de l'Ame* – приводится описание рая.

116 Рай Гийома состоит из сорока девяти вращающихся сфер, так называемых «*siecles*», или столетий, которые выступают прототипами – или архетипами – земных веков. Как объясняет Гийому ангел, который служит ему вожатым, церковное выражение *in saecula saeculorum* (во веки вечные) обозначает вечность, а не обычное время. Золотые небеса простираются вокруг всех сфер. Когда Гийом смотрит вверх, на золотое небо, он неожиданно замечает малый круг, всего около трех футов (Fuß) в поперечнике и цвета сапфира. Об этом круге сказано: «*Le sortait du ciel d, or en un point et y rentrait d'autre part et il en faisait le tour*» («Он сошел с золотого неба в одной точке и вернулся к ней с другой стороны, совершив полный круг»). Очевидно, что синий круг вращался, подобно диску, по большому кругу, который рассекал золотую небесную сферу.

117 Здесь перед нами две различные системы, золотая и синяя, и одна проходит сквозь другую. Что представляет собой синий круг? Ангел вновь поясняет дивящемуся Гийому:

¹¹⁶ См.: *Delacotte, Guillaume de Digulleville, trois romans-poemes du XIV siècle.* – *Примеч. авт.*

Ce cercle que tu vois est le calendrier,
Qui en faisant son tour entier,
Montre les Saints les journees,
Quand elles doivent etre fetees.
Chacun en fait le cercle en tour
Chacune etoile y est pour joir,
Chacun soleil pour l'espace
De jours trente ou Zodiaque¹¹⁷.

118 Синий круг – это церковный календарь. Так у нас возникает еще одна параллель – временное начало. Следует здесь напомнить, что в нашем видении время характеризуется (измеряется) тремя биениями. Календарный круг Гийома приблизительно трех футов в поперечнике. Более того, когда Гийом смотрит на синий круг, неожиданно появляются три духа, облаченные в пурпур. Ангел объясняет, что настала пора праздника в честь этих трех святых, и далее рассказывает обо всем зодиаке. Когда речь заходит о знаке Рыб, он упоминает о празднике двенадцати рыбаков, который предшествует празднованию Троицы. Тут Гийом говорит ангелу, что никогда не понимал значения символа Троицы. Он просит ангела смилостивиться и объяснить это таинство. На что ан-

¹¹⁷ «Зримый круг есть календарь / И он совершает полный оборот, / Перечисляя имена святых / И дни, в которые их следует чтить. / Дни тоже движутся по кругу, / И у каждого дня есть собственная звезда, / А в солнечной совокупности / тридцать дней составляют зодиак (фр.). – Примеч. ред.

гел отвечает: «Что ж, есть три главных цвета: зеленый, красный и золотой». Их можно увидеть вместе в хвосте павлина. И добавляет: «Всемогущий царь, соединяющий воедино три цвета, разве не может сделать так, чтобы одна субстанция была тремя?» Золотой цвет, разъясняет он, принадлежит Отцу, красный – Сыну, а зеленый – Духу Святому¹¹⁸

¹¹⁸ Святой Дух – причина *viridatis* («зелености»). – *Примеч. авт.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.